

ИННА
ИНФИНИТИ

БЫВШИЙ МУЖ
под ёлку

Инна Инфинити

БЫВШИЙ муж под елку

<https://litres.ru/74413654>

Аннотация

Кто-то в качестве подарка к Новому году получает квартиру или Мерседес. А я получила... бывшего мужа. В виде моего нового начальника. — Семейное положение? — сухо интересуется Роберт. Первый рабочий день бывший супруг решил начать с собеседований со всеми новыми подчиненными. Со мной — в том числе. — Разведена. Детей нет. — А причина развода какая? — любопытничает женщина с красной шевелюрой. Она будет новой главой отдела кадров. В ожидании моего ответа у Роберта напряглись мышцы на груди. Мне терять нечего, он все равно уволит меня. Поэтому говорю правду: — Бывший муж был настоящим козлом. Он не считался с моим мнением, ни во что меня не ставил и не уважал мою маму. Плюс он водил очень подозрительную дружбу со своей предыдущей девушкой и виделся с ней за моей спиной. Еще она часто звонила ему по ночам, а он с удовольствием брал трубку и разговаривал с ней по часу, закрывшись в ванной. — Ну точно козел! — ахает новая кадровичка. — Правильно, что развелись. Роберт буравит меня злым взглядом. — К тому же на нем одном мир клином не сошелся, — взмахиваю перед их лицами правой ладонью с кольцом на пальце. — Скоро я снова выхожу замуж. — За кого!?

— изумленно восклицает Роберт. На самом деле ни за кого. Но бывшему мужу правду знать необязательно.

Содержание

Глава 1. Собеседование	6
Глава 2. Катастрофа	14
Глава 3. Мама	18
Глава 4. Дежавю	22
Глава 5. Останься	26
Глава 6. Не хочу, чтобы знал	32
Глава 7. Звонок	36
Глава 8. Бывшая	40
Глава 9. Красные линии	45
Глава 10. Неудачные попытки	50
Глава 11. Развод	54
Глава 12. Без мамы	59
Глава 13. Платье	65
Глава 14. Он мог	70
Глава 15. Перемены	77
Глава 16. Небезразлично	81
Глава 17. Блестяще и дорого	86
Глава 18. Вынужденные меры	90
Глава 19. Ничего не изменилось	97
Глава 20. С поличным	103
Глава 21. Телевизор	109
Глава 22. Аркадий	115
Глава 23. Новый год	120

Глава 24. Поздравить	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1. Собеседование

— Ты слышала? Новый гендир будет вызывать к себе всех ключевых сотрудников и проводить собеседования, — шепчет коллега Ира. — Если кто-то ему не понравится, уволит.

Я осторожно оглядываюсь по сторонам, проверить нет ли лишних ушей. Работа в опен спейсе — она такая. Никакой приватности. Сто человек сидят за компьютерами в одном большом зале. Ни перегородок между рабочими местами, ни каких-то укромных мест. Только бесконечно печатающий принтер и журчащий автомат с кофе.

— С чего бы? — стараюсь скрыть панику за безразличным тоном. — Он генеральный директор медиахолдинга, а мы рядовые журналисты.

— Я тоже удивилась. К предыдущему гендиру вообще нереально было попасть. За год записываться надо было. А этот сам горит желанием с нами общаться. Но, говорят, он не всех будет вызывать. А только тех, у кого очень высокая зарплата. Впервые я не рада тому, что хорошо зарабатываю, — Ира издает нервный смешок.

Я тоже однозначно попаду на ковер к новому гендиру. И дело будет совсем не в моей зарплате.

А в том, что новый генеральный директор медиахолдинга, в котором я работаю, — мой бывший муж.

Вот такой вот подарочек под Новый год. И чем я так про-

винилась перед Вселенной?

Поворачиваю голову к большому окну и смотрю на кружащие в воздухе снежинки. Мне нужно закончить статью в завтрашний газетный номер, а в голове белый лист. Потому что утреннюю планерку главный редактор начал с сенсационного заявления: у нас сменился генеральный директор. С сегодняшнего дня холдинг возглавляет Красовский Роберт Александрович.

Я до последнего надеялась, что он просто тезка моего бывшего мужа, хотя умом понимала: такое совпадение нереально. В медиаиндустрии есть только один Красовский Роберт Александрович — мой бывший супруг.

Стискиваю зубы.

Если у Роберта есть хоть капля совести, он не станет подвергать меня унизительному собеседованию.

Звонок рабочего телефона отвлекает меня от снегопада за окном.

— Алло, — поднимаю трубку.

— Здравствуйте, это обозреватель газеты Злата Сергеева?

— Да.

— Это секретарь генерального директора. Роберт Александрович вызывает вас к себе прямо сейчас.

И как я могла надеяться, что у Роберта есть совесть? Конечно же, у него ее нет.

Под вопросительные взгляды коллег вокруг встаю с рабочего места. Все слышали, как у меня зазвонил рабочий теле-

фон. Все видят, как я с каменным лицом поднимаюсь с крутящегося кресла.

— На собеседование, — цежу, едва сдерживая чувства.

Коллеги испуганно ахают. А меня распирает возмущение. Нет, где это было видано, чтобы действующих сотрудников начальство вызывало на СОБЕСЕДОВАНИЕ? Но у нас годовые контракты, которые истекают тридцать первого декабря. То есть, через пять дней. И Роберт вполне может не продлить мне контракт.

С гордо поднятой головой шагаю по опен спейсу прямо к лифтам. Мою нервозность выдает только то, как я беспокоюсь тереблю новое колечко на среднем пальце. Купила себе подарок на день рождения месяц назад — с заметным бриллиантом. Только размер кольца все же маловат. Надо было семнадцатый брать, а я взяла шестнадцать с половиной, побоявшись, что колечко размером больше будет падать с пальца. Однако оно оказалось слегка мало. Снимаю кольцо со среднего пальца и надеваю на безымянный. Вот тут оно мне в самый раз.

Генеральный директор располагается на четвертом этаже. Кроме него тут больше никого нет. В огромной приемной сидит молодая девушка.

— Я Злата Сергеева.

— Проходите, вас ждут.

С каждым шагом нервозность усиливается.

Нет, не нервозность.

Паника.

Стук каблуков эхом отдает в ушах.

Встретить бывшего мужа через три года после развода — это как посмотреть в глаза монстру под кроватью.

Он знал, что я здесь работаю?

Ну конечно, знал. Моя фамилия печатается в каждом номере газеты.

Он специально пришел сюда работать? Вообще, Роберт имеет репутацию хорошего антикризисного менеджера на медиарынке. Так что одно из двух: или холдинг на грани банкротства и акционеры наняли Роберта его спасти, или бывший муж зачем-то решил мне насолить.

Глубокий вдох для храбрости, и я опускаю позолоченную дверную ручку.

— Здравствуйте, вызывали? Я Злата Сергеева.

Я горжусь тем, как уверенно звучит мой голос. А то, что сердце в пятки провалилось, никто кроме меня не знает. За большим деревянным столом сидит ОН. Роберт. Мой бывший муж. В груди что-то больно колет.

Холодный взгляд его синих глаз проходится по мне с головы до ног. Это наша первая встреча после развода. Роберт не изменился. Такой же строгий и деловой. Темно-русые волосы зачесаны назад. Пиджак висит на спинке кресла, рукава темно-серой рубашки закатаны до локтей, галстук — этот черный галстук ему покупала я! — затянут под горло.

Сглатываю ком. Мечусь между желанием убежать и жела-

нием остаться на это унижительное собеседование.

— Злата Сергеева, верно? — спрашивает женский голос.

От неожиданности я дергаюсь. И только сейчас замечаю, что рядом с Робертом сидит женщина. Странно, что я сразу не заметила ее ярко-красную шевелюру. Она как светофор.

— Меня зовут Галина Петровна, я новый руководитель отдела кадров, — представляется. — Проходите, присаживайтесь, — указывает рукой на стул напротив стола, за которым сидят они с Робертом.

Отмираю. Быстро беру себя в руки и шагаю к указанному месту. Опускаюсь на стул и... снова зависаю, глядя на бывшего мужа.

Его лицо опущено в какие-то бумаги. Возможно, это мое личное дело или еще какие-нибудь документы. Но он не читает. Его глаза не бегают по строчкам. Роберт просто смотрит в одну точку на листе и как будто не дышит. Из-за меня? Он тоже нервничает?

— Итак, Злата Сергеева, — бодро начинает кадровичка. — Приятно познакомиться. Вы обозреватель газеты. Пишите на темы экономики и банков, проводите расследования, все верно?

— Д-да, — силой заставляю себя перевести взгляд на кадровичку.

— Ваша зарплата одна из самых высоких в газете. Мы будем думать, что с этим делать, так как сейчас стоят задачи по урезанию расходов.

Стоп, что? Мне хотят сократить зарплату?

— Вы собираетесь урезать мне зарплату!?! — возмущаюсь.

— Или урезать зарплату, или сократить вас совсем, — холодный отстраненный голос Роберта впивается в меня тысячами иголок. Снова гляжу на бывшего мужа. Кажется, он уже собрался, и мое присутствие больше не выбивает его из колеи. Я узнаю этот деловой тон Роберта. Таким он отчитывал по телефону своих подчиненных, пока мы ехали в машине за покупками. — Медиахолдинг находится в глубоком кризисе. Моя задача как нового руководителя оптимизировать расходы.

Значит, Роберт пришел спасти нас от банкротства. Это радует. В том смысле радует, что он здесь не специально, чтобы мне насолить.

Однако я все равно возмущена тем фактом, что мне собираются урезать зарплату.

— И вы решили начать с моей зарплатой?

— Не только с вашей.

Это смешно, как мы общаемся друг с другом. На «Вы» и подчеркнуто отстраненно.

— Я буду с вами честен, Злата. Вы хороший журналист, но столько вам платить мы больше не можем. Поэтому или сокращение зарплат, или увольнение.

— Я должна выбрать?

— Нет, выбирать будем мы. Посмотрим на вашу работу в

течение месяца и решим, что с вами дальше делать.

Ну конечно же, он меня уволит. Как я вообще могла надеяться, что получится работать с Робертом?

— Зачем ждать месяц? — цежу. — Мой контракт истекает тридцать первого декабря. Можете не продлять.

— Мы продлим вам контракт до десятого февраля, — вставляет кадровичка. — За это время мы примем решение по вашей кандидатуре. В зависимости от результатов вашей работы.

— Следующий контракт либо будет с зарплатой меньше, либо его не будет вообще, — добавляет Роберт.

Он испытывает удовольствие от того, что причиняет мне боль? Знает ведь, что у меня ипотека, что мне нужны деньги. Я ушла от Роберта с гордо поднятой головой, не взяв ни копейки. А говорила мне мама, чтоб поделила все, включая его трусы. Теперь понимаю: надо было.

Я уверена: он уволит меня. Скажет, не прошла испытательный срок. Было бы неплохо самой уйти, да вот некуда. Как назло, ни одного предложения по работе. Значит, до десятого февраля надо найти.

— Мне все понятно, — холодно отвечаю. — Я могу идти?

— Нет, подождите, мы еще не закончили. Есть вопросы по вашему личному делу. — Роберт снова опускает глаза в бумаги. — Здесь не вся информация указана.

Я едва сдерживаю смех. Вопросы по моему личному делу у него! Да он наизусть знает всю мою биографию.

— Семейное положение? — сухо интересуется.

Что? Это прикол? Он не знает мое семейное положение?

Если бы не кадровичка, я бы послала Роберта куда подальше.

— Разведена. Детей нет, — цежу.

— А причина развода какая? — любопытничает новая начальница кадров.

Замечаю, как в ожидании моего ответа у Роберта напряглись мышцы на груди. Мне терять нечего, он все равно уволит меня десятого февраля. Или, если повезет найти новую работу, я сама уйду. Поэтому говорю правду:

— Бывший муж был настоящим козлом. Он не считался с моим мнением, ни во что меня не ставил и не уважал мою маму. Плюс он водил очень подозрительную дружбу со своей предыдущей девушкой и виделся с ней за моей спиной. Еще она часто звонила ему по ночам, а он с удовольствием брал трубку и разговаривал с ней по часу, закрывшись в ванной.

— Ну точно козел! — ахает новая кадровичка. — Правильно, что развелись.

Роберт буравит меня злым взглядом.

— К тому же на нем одном мир клином не сошелся, — взмахиваю перед их лицами правой ладонью с кольцом на пальце. — Скоро я снова выхожу замуж.

— За кого!? — изумленно восклицает Роберт.

На самом деле ни за кого. Но бывшему мужу правду знать необязательно.

Глава 2. Катастрофа

Это катастрофа.

Зачем я ляпнула, что выхожу замуж? Теперь Роберт подумает, что скоро я уйду в декрет, а значит, нет смысла держать меня в газете и платить мне вообще хоть какую-то зарплату. Судя по тому, как бывший муж изменился в лице, когда я сморозила глупость про замужество, мне и до десятого февраля контракт не продлят.

Как хорошо, что в женском туалете сейчас никого нет. Мне нужна минутка одиночества.

Открываю кран с холодной водой, смачиваю ладони и брызгаю себе на лицо. Аккуратно, чтобы не размазался макияж.

А впрочем, оно того стоило. Выражение лица Роберта я запомню надолго. Это была секунда моего триумфа. Потому что я без него смогла. Потому что я нашла ему замену. Потому что я счастлива.

Так он теперь думает.

И хотя это не совсем правда, Роберт никогда не узнает.

Не то чтобы я испытываю большое желание утереть нос экс-супругу. Отнюдь нет. Я отпустила Роберта и желаю ему счастья (но не от всего сердца). Однако все равно приятно выглядеть в глазах бывшего сильной и независимой личностью, которая без него смогла. Не знаю, что там в личной

жизни у Роберта, но кольца на пальце у него нет.

Мне определенно удалось если не сразить Роберта наповал, то, как минимум, удивить. Слова о моем грядущем замужестве надолго засядут у него в голове. Уж я-то знаю, как Роберт любит обдумывать каждую новость и каждое событие.

Возвращаюсь на свое рабочее место. В меня сразу впиваются несколько пар любопытных глаз коллег.

— Ну что? — набрасывается на меня Ира. — Как все прошло? Что говорил?

— Продляет мне контракт до десятого февраля. Это будет типа испытательный срок. После примет решение: урезать мне зарплату или уволить.

Коллеги возмущенно ахают.

— А ты что сказала? — продолжает допрос Ира.

Что я скоро выхожу замуж.

— Да ничего. Что тут скажешь?

— Ты согласна на сокращение зарплаты?

— Конечно, нет. Буду думать, что делать. Наверное, поищу другую работу.

— А сказал, на сколько будет урезание зарплат?

— Нет. Я так поняла, решение будут принимать индивидуально по каждому сотруднику после испытательного срока.

— На фига нам поменяли гендиректора холдинга!? — задаёт риторический вопрос Анжела, редактор отдела потре-

бительского рынка.

Я не отвечаю. Мне нужно дописать текст в завтрашний номер, иначе не увижу контракта и до десятого февраля. Я вставляю в уши беруши и на следующие два часа отключаюсь от паники в редакции. Пальцы порхают по клавиатуре, и я испытываю свое самое любимое чувство — наслаждение от работы. Я пишу статью, которая завтра порвет все информационное пространство. В крупном банке обнаружены финансовые махинации. У меня эксклюзив от источника в Центробанке. Завтра это будут цитировать и обсуждать абсолютно все.

Сдав статью выпускающему редактору, спускаюсь в столовую на первый этаж. Рабочая столовая красиво украшена к Новому году: у стены стоят наряженная елка, сани с Дедом Морозом, а с потолка свисают снежинки. В меню много зимних чаев и новогодних напитков. Я беру безалкогольный глинтвейн с круассаном и сажусь за крайний столик. Снегопад за окном усилился, превратившись в настоящую метель.

Раньше я любила такую погоду. Она создавала новогоднее настроение. Я пекла имбирное печенье и варила горячие новогодние напитки. Дома сверкала елка, а из музыкальных колонок лились новогодние песни.

Но три года назад я развелась с мужем, и с тех пор больше не жду никаких праздников. Новогоднего настроения тоже больше не бывает.

За те два часа, что я писала статью, к Роберту вызвали еще

пять человек. Всем сообщили то же самое: контракт продляется до десятого февраля, после будет либо урезание зарплат, либо увольнение. Ну что ж, это хотя бы не персональная кампания бывшего мужа против меня.

Мы с Робертом познакомились на журфаке. Я училась на первом курсе, а он на четвертом. Мы познакомились на какой-то тусовке в общей компании, но не обратили друг на друга внимания. А потом Роберт выпустился из университета, и я вовсе про него забыла.

Наш роман завязался гораздо позднее. А именно через пять лет, когда мы повторно встретились на работе. Я пришла работать корреспондентом отдела экономики в газету, а Роберт там же был заместителем главного редактора. Но он занимался не редакционной повесткой, не статьями и выпуском газеты, а коммерческими контрактами: рекламой, платными конференциями и всем тем, на чем СМИ зарабатывают. Несмотря на журналистское образование, Роберт всегда был не про тексты, а про деньги.

Наш роман начался быстро и развивался стремительно. Это была любовь со второго взгляда. Если с первого взгляда на журфаке мы почти не заметили друг друга, то со второго взгляда на работе нас словно пронзила стрела Купидона. Уже через три месяца я переехала жить к Роберту, а через год мы поженились.

Все было хорошо, за исключением одного — Роберт не ладил с моей мамой.

Глава 3. Мама

Мама воспитывала меня одна. Папа ушел из семьи, когда мне было три года, потому что не выдержал маминого характера. Она сложный человек. Отец платил алименты, но не навещал меня, поскольку каждый его приезд в гости заканчивался скандалом с мамой. А потом папа женился второй раз, у него родился сын, и про меня он вовсе забыл. Только продолжал исправно платить алименты.

Мама больше замуж не вышла. У нее были ухажеры, но до свадьбы ни с кем не дошло. Всю свою жизнь родительница посвятила воспитанию меня. Мы с ней очень близки, я с уверенностью могу назвать маму своей лучшей подругой. У меня нет секретов от нее.

Но вот с Робертом они не ладили. Он не понравился маме, и это было взаимно. Родительница считала, что он слишком торопится в наших отношениях, она была против, чтобы я переезжала к нему через три месяца после начала романа. Плюс маме не нравилось, что у Роберта гуманитарная специальность — журналист, как и я. Моим мужем она всегда видела какого-нибудь банкира, нефтяника или адвоката. В крайнем случае именитого врача. А то, что пишущим журналистом Роберт никогда не работал и в редакции занимался деньгами, мама игнорировала.

Роберт в свою очередь считал, что я нахожусь под боль-

шим влиянием родительницы. Он так и говорил:

— У тебя нет своего мнения. У тебя мамино мнение.

Меня это обижало, потому что свое мнение у меня было и есть. Я слушаю мамины советы, но следую им далеко не всегда. Еще Роберту не нравилось, что моя родительница слишком сильно лезла в нашу жизнь. А я так не считала. Да, мама постоянно давала нам какие-то советы, озвучивала свое мнение, даже когда не спрашивали, часто нас навещала, иногда приезжала с ночевкой, но она при этом и помогала: мыла квартиру, готовила первое, второе и третье. Мамина помощь по хозяйству была большим подспорьем, пока мы с Робертом вместе пропадали на работе.

Но бывший муж не считал мамину помощь значимой. Даже больше — он обесценивал ее. Роберт постоянно твердил, чтобы я наняла домработницу, если сама не успеваю смотреть за чистотой в доме. Он не хотел, чтобы приезжала моя мама и помогала.

Просто у Роберта нет близких отношений со своими родителями. Он слишком рано сепарировался от них. Когда бывшему мужу исполнилось восемнадцать лет, он получил в наследство двухкомнатную квартиру от бабушки и сразу переехал в нее жить. Тогда же Роберт начал подрабатывать, чтобы были собственные деньги. В итоге он слишком рано стал независим от своей семьи, и ему было непонятно, как «в двадцать три года можно во всем слушать маму». Это он про меня так говорил.

Опять же, я была с этим не согласна. Потому что если бы я во всем слушала маму, то не вышла бы замуж за Роберта. Родительница считала, что он меня недостойн. К слову, впоследствии мама-то оказалась права. Мы с Робертом развелись.

Но пока мы были женаты, мне приходилось разрываться между мужем и мамой. С каждым годом их отношения становились хуже. Дошло до того, что Роберт отказался поздравлять мою маму с праздниками и навещать ее в день рождения. Для меня это стало проявлением неуважения с его стороны. Потому что как бы то ни было, а это моя мать. Он должен уважать ее. А Роберт не то что не уважал, а плевал в ее сторону. Потом Роберт запретил, чтобы она приезжала к нам в гости. Так и сказал: «Я не хочу видеть твою маму в нашем доме».

Роберт перегибал. Да, моя мама не подарок, но он перегибал. Бывший муж слишком принципиален и категоричен. Он и на работе такой. Но дом и семья — это не работа и подчиненные. А Роберт не видел разницы. Он одинаково махал шашкой на работе и дома. Мне тоже достатовалось. Чем выше бывший муж поднимался по карьерной лестнице, тем жестче он становился. Везде и со всеми.

Роберт перестал слушать мое мнение и мои советы. Даже по элементарным вопросам. Мы купили новую квартиру в два раза больше прежней и делали ремонт. Роберт все выбирал сам, со мной не считался. Плитку, ламинат, краску для

стен — абсолютно все купил, что нравилось ему, а не мне. Он аргументировал это просто: «У тебя нет своего мнения, у тебя мамино мнение. А я не хочу жить в бабском интерьере твоей мамы».

Это было не все. Были и другие проблемы, которые привели к разводу.

Из размышлений меня вырывает звонок мобильного. Городской номер. Цифры подозрительно похожи на телефон нашей редакции.

— Алло, — поднимаю трубку.

— Злата Сергеева?

— Да.

— Это секретарь генерального директора. Роберт Александрович вызывает вас к себе.

— Опять?

— Да.

Я закатываю глаза.

— Он передумал продлять мне контракт до десятого февраля? Решил избавиться от меня раньше?

Секретарша растерянно молчит.

— Сейчас буду, — буркаю и бросаю трубку.

Глава 4. Дежавю

Во второй раз в кабинет Роберта я иду не с такой нервозностью, как в первый. Даже обращаю внимание, что его приемная красиво украшена к Новому году. В углу стоит высокая елка, наряженная яркими шарами и светящейся гирляндой. Под елкой коробки с импровизированными подарками в блестящей бумаге. Скорее всего, приемную украсили еще в начале декабря, когда холдинг возглавлял предыдущий гендиректор. Но я знаю: Роберту холодная цветовая гамма елочных украшений понравится. Среди игрушек преобладают синие и серебристые.

Секретарша говорит, что можно входить, и я без колебаний опускаю дверную ручку. Роберт сидит за тем же массивным деревянным столом. Теперь один, без новой начальницы кадров. Он отрывает лицо от монитора компьютера, наши взгляды встречаются, и у меня в груди снова что-то больно колет.

— Проходи, Злата. Присаживайся, — показывает на стул напротив своего стола. На тот самый, на котором я сидела несколько часов назад.

Обращаю внимание, что без свидетелей Роберт обращается ко мне на «Ты». Что ж, думаю, и я могу к нему так же.

Я опускаюсь на указанное место. Мгновение мы смотрим друг на друга. Мне кажется, или во взгляде Роба действи-

тельно сквозит тоска? Не знаю, что он читает по моим глазам, но в глубине души мне все еще чуточку больно. Самую малость.

— Неожиданная встреча, правда? — говорит после затянувшейся паузы и мягко улыбается.

— Ты не знал, что я здесь работаю?

— Знал, но все равно неожиданно снова видеть тебя. Ты не изменилась.

Ты тоже не изменился, отвечаю мысленно. Три года — это много или мало? За три года человек может поменяться до неузнаваемости? Не знаю. Но Роберт такой же, как и в день развода. Я тоже.

— Ты знал, что я здесь работаю, и все равно пришел сюда? Почему?

— Мне сделали очень привлекательное предложение по работе. Я должен был отказаться только лишь потому, что здесь ты?

Резонный вопрос. Роберт — карьерист. И должность генерального директора крупного медиахолдинга — точно не то, от чего он будет отказываться. Скорее он уволит меня, чем откажется от этого места.

— Ты что-то хотел? — решаю перейти к делу. Ни к чему отвлекаться.

Я непроизвольно кладу ладони на стол и замечаю, как Роберт опускает взгляд на мой безымянный палец правой руки. Вот блин, а кольцо-то до сих пор там. Я не сняла его и не пе-

реодела на средний палец. Задержавшись на бриллианте на пару секунд, бывший супруг снова поднимает на меня лицо.

— Да, в первую очередь хочу сказать: я рад, что у тебя в жизни все хорошо.

— А ты думал, без тебя будет плохо? — хмыкаю.

— Ни в коем случае. Я знал, что без меня тебе будет лучше, чем со мной. Как и предсказывала твоя мама.

Упоминание моей мамы заставляет меня стиснуть зубы. Естественно, о моей маме Роберт говорит с сарказмом. Ядовитым таким.

— Конечно. У моей мамы глаз — алмаз. Жаль, я не прислушалась к ее мнению раньше.

— Это когда ты нас познакомила, и она в моем присутствии сказала, что я не дотягиваю до твоего уровня? Действительно странно, что ты тогда ее не послушала.

— Как можно быть таким злопамятным?

— Не знаю, спроси у своей мамы. Это она вела учет всех тех случаев, когда я как-то не так ей ответил, а потом постоянно припоминала их.

Обстановка стремительно накаляется. Воздух начинает искрить. Дежавю какое-то. Я словно вернулась на пять лет назад, когда мы с Робом ругались из-за моей мамы. Вернее, он отпускал едкие саркастичные комментарии типа, как сейчас, а я оскорблялась и злилась. Я защищала маму, а Роберта это только еще больше подстегивало.

Да, я признаю: мама во многом была не права. Ей не сле-

довало слишком совать свой нос в нашу с Робом семью, а особенно лезть с непрошенными советами. И она первой начала эту войну, считая Роберта недостойным моей руки и сердца.

Но она все равно моя мама!

— Ты мог бы уважать женщину, которая меня родила и вырастила, — цежу строго.

— Мог бы, — соглашается. — Но не хочу.

— Мама никогда не желала нам зла!

В ответ мне громкий смех.

Глава 5. Останься

Спокойно, Злата. Ты здесь не для того, чтобы по двадцатому кругу ругаться с Робертом из-за мамы. Глубоко втягиваю воздух и медленно выдыхаю.

— Что ты хочешь, Роб? Ты решил не продлять мне контракт до десятого февраля?

Бывший муж резко перестает смеяться.

— Нет. Все то, что я озвучил в присутствии руководителя кадров, остается в силе. Твой контракт будет продлен до десятого февраля, как и контракты всех остальных сотрудников газеты.

— Тогда для чего ты меня вызвал?

— Не хочу, чтобы ты думала, будто я как-то специально тебя дискриминирую. Медиахолдинг действительно находится в большом кризисе. Думаю, вы это понимали по тому, как вам сначала урезали соцпакет, а потом отменили квартальные премии. Моя задача как нового руководителя — оптимизировать расходы. Но не только это.

Вау. Спустя три года после развода Роберту не все равно, что я о нем подумаю. Даже не знаю, как к этому относиться. Интересно, почему он до сих пор дорожит моим мнением и не хочет, чтобы я думала о нем плохо.

Но это слишком личные вопросы, я не буду их задавать. Пользуясь случаем, спрошу по делу:

— А какие у тебя еще задачи? Холдинг ждут какие-то изменения?

— Да.

Интересно.

— Какие, если не секрет?

Роб мнется. Сомневается, говорить ли.

— Я сделаю объявление тридцатого декабря на новогоднем корпоративе.

Все чудесатее и чудесатее.

— А у нас будет новогодний корпоратив? Очень странно, учитывая, что у холдинга нет денег.

Роберт недовольно вздыхает.

— К сожалению, корпоратив невозможно отменить. Предыдущее руководство внесло стопроцентную предоплату. Деньги уже не вернут. Так что корпоративу быть. Сегодня кадры разошлют письмо с приглашением.

Ухмыляюсь про себя. Вот люди обрадуются: зарплаты урежут, ну хоть успеем погулять.

И все же мне интересно про новые задачи Роберта.

— Я не скажу никому. Ты же знаешь, я не сплетница. Какие изменения ты будешь проводить помимо финансовых?

Роб медлит пару секунд, все еще сомневаясь, рассказывать ли мне вперед всего коллектива. Когда мы были жена-ты, у нас не было рабочих секретов друг от друга. Даже когда потом мы работали в разных СМИ, которые являлись друг другу конкурентами. Дома на кухне мы делились всеми но-

востями.

— В холдинг входят газета и три телеканала. Моей задачей будет объединить вас.

— Объединить газету и телеканалы? — изумляюсь. — Каким образом? Это же совершенно разные СМИ, разный принцип работы...

— Злата, газета абсолютно убыточна, — перебивает. — А телеканалы приносят прибыль. Бумажный тираж падает каждый год. Но при этом у газеты растет аудитория сайта. А у телеканалов сайты полудохлые. Будет один сайт для всех на базе сайта газеты.

Мне требуется время, чтобы переварить информацию. Кажется, я понимаю, что именно Роберт собирается проверить. На журфаке нам, конечно, рассказывали про конвергентную журналистику. Это когда ты сначала пишешь статью, потом по своей же статье пишешь маленькие новости, затем отдельные сообщения в социальные сети, а потом рассказываешь о своем эксклюзиве на камеру. То есть, когда одно информационное сообщение распространяется во всевозможных форматах — от писюльки в телеграм-канале до эфира на радио.

И это все придется делать одному человеку — автору эксклюзива. А так как я пишу преимущественно эксклюзивы, то вот это вот меня ждет. Если сейчас я написала статью и свободна, то больше такого не будет. После того, как я напишу статью, я еще должна буду кучу другой работы сделать.

Мне уже не нравятся грядущие изменения. Мало того, чтобы зарплату урежут, так еще дополнительной работой навалют. Все эти объединения, слияния, поглощения и интеграции нужны только для одного — чтобы часть людей уволить, а на оставшихся сотрудников переложить функции уволенных.

— Короче, придется работать больше за меньшие деньги, — резюмирую, не скрывая своего разочарования.

— Предстоит тяжелая работа, но оно будет того стоить.

— Значит, ты здесь надолго?

— Да. Работы на несколько лет минимум. И если после десятого февраля ты останешься, нам предстоит коммуницировать. Может быть, не очень часто, но коммуникация у нас будет.

— Я работаю здесь два с половиной года и предыдущего гендиректора не видела ни разу. Думаю, мы сможем избежать встреч. Это при условии, что я захочу остаться в газете после десятого февраля.

Пусть Роберт знает: это не они дали мне испытательный срок, а я решаю, работать ли мне здесь дальше. Да, в данный момент у меня нет других предложений по работе, но если я брошу клич, обязательно что-нибудь найдется. Я, может, и не лучший финансовый журналист России, но все же кое-какая репутация у меня имеется. И далеко не плохая.

Да другие газеты оторвут меня с руками и ногами!

— Я бы хотел, чтобы ты осталась после десятого февраля,

— огорошивает меня.

Что?

Я зависаю, недоуменно хлопая глазами. Должно быть, мне послышалось, поэтому какое-то время я жду, что Роберт скажет дальше. Но он молчит. Только глядит на меня неотрывно.

— Ты хочешь, чтобы я осталась? — переспрашиваю, не веря.

— Да.

Секунда шока и неверия. Когда три года назад я паковала чемоданы, то не услышала от Роба фразы: «Я хочу, чтобы ты осталась». Кто знает, может, если бы он произнес ее, я бы не ушла. Поэтому очень странно слышать эти слова сейчас.

— Ты хороший журналист, Злата. Мне будет жалко терять тебя как специалиста. Мне предоставили аналитику по трафику сайта. Тыходишь в тройку авторов, статьи которых собирают больше всего просмотров. Твои расследования вирусятся по всему интернету. Газета потеряет с твоим уходом. Я хочу, чтобы ты осталась.

О Господи, Роберт хвалит меня. Почему его комплименты так сильно меня трогают? Раньше — понятно, я млела от каждого его доброго слова. А сейчас почему мне хочется прыгать от радости?

— Кхм, спасибо, конечно, — едва сдерживаю себя, чтобы не заплакать от восторга. — Но не уверена, что я готова к сокращению зарплаты. Я, конечно, люблю газету, но не на-

столько сильно, чтобы ущемлять себя в комфорте и экономить на еде. К тому же у меня ипотека. Так что я буду думать.

Горжусь собой. Я произнесла речь сдержанно и в меру отстраненно. Как будто комплименты бывшего мужа не пробудили во мне желание расцеловать его.

Так, стоп, что?

Нет-нет-нет, такого желания у меня нет и быть не может.

— А как же твой жених? — стреляет глазами в кольцо на пальце. — Он что, не зарабатывает? И раз ты собираешься за него замуж, он наверняка прошел стресс-тест твоей мамы. А она больше не подпустит к тебе недостойных.

Желание расцеловать Роберта быстро сменяется желанием его придушить.

Глава 6. Не хочу, чтобы знал

Роберт пытливно всматривается в меня в ожидании ответа. Я судорожно соображаю, что ответить по поводу моего мифического жениха. На первой встрече в присутствии кадровички, когда Роберт изумленно спросил, за кого я выхожу замуж, я ответила просто: «За мужчину». Кадровичка засмеялась моему ответу и сказала: «Ну понятно, что не за женщину». Роберт, видимо, осознал, что его вопрос неуместен, поэтому развивать тему не стал. После еще пары вопросов я ушла.

Но сейчас кадровички нет, и стесняться Роберту некого. Он не сводит с меня глаз, давая понять, что в этот раз мне не удастся увернуться от ответа.

— При чем тут мой жених? Я работаю и хочу соответствующе зарабатывать. Ты еще скажи, что раз у меня есть жених, то я теперь должна работать бесплатно.

Роб продолжает внимательно всматриваться в мое лицо, словно пытается прочесть мысли. Забраться мне в голову и узнать правду.

— За кого ты выходишь замуж? — спрашивает в лоб.

Я не люблю врать. И не умею, если честно. Но я не могу сказать бывшему супругу, что несколько часов назад пошутит. И что кольцо купила сама себе на день рождения. Это будет глупо и...

Я хочу, чтобы Роберт думал, будто у меня все прекрасно в жизни. Что я встретила нового мужчину и счастлива. Не хочу, чтобы он знал: я коротаю вечера в одиночестве в обнимку с пачкой чипсов за просмотром «Отчаянных домохозяйек». Не хочу, чтобы он знал, что я пересматриваю этот сериал уже в четвертый раз, поскольку мне больше нечем заняться по вечерам.

Не хочу, чтобы Роберт знал: я листаю на Авито объявления о продаже котов. Выбираю между британцем и мейнкуном. Первые вредные, а от вторых много шерсти.

Не хочу, чтобы знал о моих неудачных свиданиях с сайта знакомств. Когда каждого мужчину я сравнивала с Робертом, и каждый проигрывал.

— Имя моего жениха ни о чем тебе не скажет. Вы не знакомы.

Роб едва заметно кивает, давая понять: больше любопытничать не будет. Мне тоже хочется спросить про его личную жизнь. Я едва удерживаю язык за зубами. Кольца на пальце нет, но это же не значит, что Роберт одинок. Мы развелись три года назад, у него не могло не быть женщин.

А что, если Роберт сейчас с Кариной?

От этой мысли где-то глубоко-глубоко в сердце неприятно кольнуло.

— Если у тебя больше нет ко мне вопросов, то я пойду, — решаю закончить нашу бессмысленную встречу. Ее первую половину мы ругались из-за мамы, а вторую спорили из-за

работы.

— Да, Злата, можешь идти. Еще увидимся.

— Надеюсь, нет, — говорю прямо, отодвигая стул с громким скрежетом.

— Спешу тебя расстроить: мы будем видеться каждое утро. Теперь планерки газеты и телеканалов будут проходить вместе, и я собираюсь присутствовать на каждой.

Так, стоп.

— Общие планерки? Но мы же сидим в разных зданиях.

— Телеканалы переедут в это здание. В целях экономии мы откажемся от аренды их офиса.

— А где они будут сидеть?

— Придется потесниться.

Час от часу не легче. Мало того, что зарплату урезают, так еще условия труда делают невыносимыми. Наш опен спейс и так похож на муравейник. Теперь сюда еще переедет весь штат аж сразу трех телеканалов. Будем сидеть друг у друга на головах.

Я стремительно выхожу из кабинета Роберта. Поднимаюсь на свой шестой этаж и сажусь за компьютер. Вокруг только и разговоров что об урезании зарплаты. Коллеги не сдерживают возмущений и грозятся уволиться сразу после новогодних праздников. Самые активные предлагают завалиться сегодня после рабочего дня в бар и отметить это горестное событие.

Я не участвую с тимбилдингах, поэтому по традиции от-

казываюсь. Ответив на вопросы выпускающего редактора по моему тексту, я одеваюсь и ухожу домой. Медленно плетясь к метро, достаю из кармана шубы мобильный телефон и звоню маме. Она поднимает трубку после первого же гудка.

— Да, доча, слушаю.

Моей маме пятьдесят два года. У нее достаточно молодой голос, да и выглядит она на сорок пять. Мама хорошо ухаживает за собой.

— Привет, мам.

— Ты с работы идешь?

— Да, только вышла из редакции.

Секундная заминка. Я знаю, что мама делает: отнимает телефон от уха и смотрит время.

— Что-то ты сегодня поздно. Сложный текст был?

— Нет. У нас на работе грандиозные новости. К нам в холдинг пришел новый генеральный директор. Вызывал меня к себе сегодня аж два раза.

— Новый гендиректор? — изумляется. — А почему? Что случилось?

— У холдинга большие финансовые трудности. Новый гендиректор будет спасать его от банкротства. А теперь угадай с трех раз, кто стал новым генеральным директором.

Гробовая тишина. Мама догадалась с первой попытки.

— Он и сюда пришел тебе жизнь портить! — возмущенно восклицает.

Глава 7. Звонок

— Ну, он не специально из-за меня. Просто Роберту сделали хорошее предложение по работе, и он не стал из-за меня отказываться.

Через трубку и пару десятков километров расстояния я чувствую, как от мамы исходит негодование. Когда она злится, ее дыхание становится тяжелым и свистящим.

— Я так и знала, что этот негодяй будет тебя преследовать и портить жизнь даже после развода. Три года прошло, а ему до сих пор нейдет. Что он хочет от тебя на этот раз?

Поначалу я ругалась с мамой из-за Роберта точно так же, как с Робертом из-за мамы. Потом я поняла, что это бесполезно. Родительница не изменит своего мнения насчет моего мужа, равно как и Роб не изменит своего мнения о моей маме. Ну а затем наш с Робертом брак пошел под откос, и у меня уже даже желания не было защищать супруга. Я позволяла маме крыть его на чем свет стоит. Вот и сейчас, когда мама снова нелестно отзывалась о Роберте, я его не защищаю.

— Так как холдинг в кризисе, Роберт продляет нам контракты до десятого февраля, а после этой даты кого-то уволит, а кому-то сократит зарплату.

Мимо меня по дороге проезжает машина скорой помощи, но несмотря на громкий звук сирены, я слышу, как мама

изумленно ахает.

— И тебе тоже сократит зарплату?

— Да.

— На сколько?

— Это будет известно после десятого февраля. Сокращение у каждого сотрудника будет индивидуальным.

— Я уверена: он затеял это из-за тебя. Специально мстит. Узнал, где ты сейчас работаешь, напросился в эту компанию и теперь будет портить тебе жизнь.

Мама очень любит детективы и разного рода теории заговоров. Она во всем видит некий тайный смысл. Об этом я с ней тоже давно не спору. Вот и приход Роберта в холдинг, в котором я работаю, она, безусловно, считает неслучайным.

— Ну, мам, как бы то ни было, а Роберт теперь мой начальник.

Мама снова тяжело дышит в трубку, исходя негодованием.

— И что ты думаешь делать? Злата, я надеюсь, ты понимаешь, что тебе нельзя там оставаться? Ты должна поменять работу.

— Да, конечно. Я не хочу терять в деньгах, поэтому буду искать новую работу.

— Дело даже не в деньгах, а в том, что тебе не надо работать конкретно с Робертом. Он тебе жизни не даст. Он будет придирается к тебе по каждому пустяку. Зачем тебе эти мучения, доча?

Мне не хочется верить, что Роберт как-то намеренно будет ко мне придирааться. Но за сегодня он вызвал меня к себе дважды, и это повод задуматься. Ну ладно, допустим, первый раз был в присутствии кадровички, чтобы сделать важное объявление. Он для этого не только меня вызвал, а половину редакции.

Но второй раз зачем был?

И непонятно, для чего генеральному директору присутствовать на рядовых утренних планерках. Я буду зачитывать тему своей работы на сегодня, а он будет критиковать ее? Хватит с меня замечаний главного редактора.

— Я буду искать новую работу, — спешу успокоить родительницу. — Просто у меня сейчас нет предложений, но я займусь поиском.

— Конечно, Злата. Надо искать новую работу. Роберт будет тебя гнобить и унижать. Зачем это терпеть? Мало ты с ним настрадалась за годы брака? Терпела его постоянное отсутствие, его шуры-муры с этой... Как ее... Забыла имя.

— Кариной.

— Да, Кариной. Ты терпела его измены с Кариной...

— Роберт не изменял мне с ней, — резко перебиваю.

— Изменял! Просто ты его за руку не ловила.

Разговор с мамой ступил на слишком болезненную для меня дорожку. Лучше прекратить, пока мое настроение не скатилось ниже плинтуса.

— Ладно, мам, я в метро спускаюсь.

— Хорошо, Златуля. Я позвоню тебе еще перед сном.

— Ага, хорошо. Целую.

— И я тебя, дочь.

Отбиваю звонок и продолжаю медленно плестись к метро. Редакция газеты довольно далеко от подземки. Три остановки на автобусе или пятнадцать минут пешком. Обычно я хожу пешком, это отличное время для короткого разговора с мамой о том, как прошел день. Но сегодня я завершила разговор с родительницей, не пройдя и половины пути. Не хотела портить себе настроение упоминанием Карины.

Но...

Оно все же испортилось.

В памяти всплывает последний разговор с Робертом, когда он спросил про моего «жениха». У меня зеркально появился вопрос о происходящем в его личной жизни. И я даже грешным делом подумала: а вдруг он с той Кариной?

Я спокойноотреагирую на роман Роберта с кем угодно. Но только не с Кариной, которая, словно призрак, сопровождала нас все годы брака.

Глава 8. Бывшая

До меня у Роберта были серьезные отношения с девушкой. Ее звали Карина. И я даже смутно ее знаю, поскольку она тоже училась на журфаке, но на пару лет старше меня. Роб встречался с ней на последних курсах университета и еще пару лет после. По словам бывшего мужа, они расстались, поскольку «по-разному смотрели на жизнь и будущее». Я так и не поняла, что под этим имелось ввиду.

Роберт и Карина расстались друзьями. Они поздравляли друг друга с праздниками и не избегали личных встреч на каких-то мероприятиях. Так было на момент начала моих с Робертом отношений. Не могу сказать, что мне нравилось смотреть, как Роб печатает своей бывшей смс с поздравлением с днем рождения или Восьмым марта. Мне это казалось странным и неуместным, учитывая, что у него появилась новая девушка — я.

Одно дело расстаться друзьями и общаться, пока вы оба свободны, но другое дело поддерживать связь, когда один из вас уже обзавелся семьей. У меня тоже были отношения до Роберта, но я не поздравляла своих бывших с праздниками. Не потому что я как-то плохо с ними рассталась, а потому что это лишнее. У меня новая жизнь, новый мужчина, зачем строчить смски старым парням?

Меня клинило, когда я слышала от Роберта: «Подожди

минутку, сейчас поздравлю подругу с днем рождения / наступающим Новым годом / Восьмым марта / Днём Победы / Днём России / Днём народного единства» и чуть ли не с Днём космонавтики. Во-первых, я в жизни не встречала, чтобы обычные люди поздравляли друг друга с такими праздниками, как День России или День народного единства. Когда я сказала об этом Роберту, он пояснил, что у них с Кариной есть какая-то своя традиция поздравлять друг друга со всеми праздниками.

То есть, после расставания они продолжали соблюдать общие традиции, выработанные за годы отношений. Эта мысль тоже неприятно точила меня.

Я не озвучивала Робу, что мне не нравится его общение с Кариной. Не хотела, чтобы он считал меня ревнивой истеричкой. Ведь ревность и недоверие — это удел неуверенных в себе людей. А я была уверенной в себе.

Я хотела быть уверенной в себе.

Ну и вот эта вот мода на здоровые осознанные отношения, в которых правят доверие и взаимопонимание. Когда партнеры выше скандалов, склоков и выяснения отношений на почве ревности. Я хотела, чтобы у нас с Робом были именно такие отношения. К тому же хватало ссор из-за моей мамы. Ссориться еще из-за Карины было ту мач. Поэтому он не знал, что меня гложет его дружба с бывшей девушкой.

Когда мы поженились, первое время общение Роберта с Кариной не выходило за прежние рамки поздравления друг

друга со всевозможными праздниками. Но потом Карина стала звонить Роберту. Например, в выходной день вечером. На экране мобильного бывшего мужа загоралось имя «Карина», он брал трубку, отходил от меня в сторону и разговаривал с ней. Если она звонила, когда мы находились дома, то Роберт уходил в другую комнату. Он никак не пояснял мне ее звонки. Так же, как не пояснял звонки, например, своего начальника или своей мамы. Типа, ну просто звонок, что тут такого.

Я продолжала держать претензии в себе, но становилось сложнее. Мой сосуд терпения не просто переполнился и был готов пролиться, он был готов лопнуть к чертовой матери. Лопнуть мощно, как от взрыва.

Первой мое пограничное с истерикой состояние заметила мама. Я не хотела рассказывать ей про Карину, усугублять и без того ее плохое отношение к моему мужу. Но когда мама задала вопрос, почему я такая нервная и дерганная, я взорвалась и вывалила ей все.

Мама была категорична:

— Ты должна озвучить этому мудаку, что выступаешь против его общения с другой женщиной.

Мои доводы о здоровых зрелых отношениях, построенных на доверии к партнеру, доводы об отношениях без ревности и токсичности мама отказалась понимать и принимать.

Она категорично заявила:

— Злата, у тебя муж каждый день общается с какой-то

левой бабой. Причем делает это перед твоим носом. Ты в своем уме? Почему ты позволяешь этому продолжаться?

— Я не хочу опускаться до ревнивых ссор. Наши с Робертом отношения построены на дове...

Я не успела договорить слово «доверии». Мама взревела.

— Да она у тебя мужа уведет, пока ты о каком-то доверии думаешь! Ты должна немедленно пресечь это!

Я не стала говорить маме, что мне хватает ссор с Робертом из-за нее. Ругаться еще из-за кого-то будет перебором. Мама вообще не знала, что мы с мужем ругаемся из-за нее.

Посомневавшись, я решила последовать маминому совету. После очередного долгого разговора Роба с Кариной я сказала бывшему мужу, что мне это не нравится. Ответ меня обескуражил:

— Слушай, я сам уже устал от ее звонков, но у Карины сейчас тяжелый период в жизни, ее посещают суицидальные мысли. Я боюсь, что она что-нибудь с собой сделает. Я хочу ей помочь.

Роберт обезоружил меня моментально. Оказалось, у Карины умер кто-то близкий, она тяжело переживала утрату, у нее развилась настоящая депрессия (ей официально поставили такой диагноз), и Роберт боялся, что она что-нибудь с собой сделает. Тут я растерялась и не знала, что возразить. Весь запал выдохся. Ну а что тут было сказать? «Не смей поднимать трубку на ее звонки, и пускай она делает с собой, что хочет»? А если бы она и правда что-нибудь с собой сде-

лала? Роберт бы потом себя винил. Или еще хуже — винил бы меня.

В общем, скандал из-за Карины закончился, так и не начавшись. Я была рада, что последовала маминому совету и подняла беспокоивший меня вопрос. К тому же если бы Роберту было, что скрывать, он бы не брал трубки в моем присутствии. Он бы переименовал Карину в "Вася гараж" или "Петя автомойка" и всячески бы скрывал от меня общение с ней. А Роберт был честен со мной. Так я себя успокаивала.

Роберт продолжал с ней общаться. Не могу сказать, что это больше не беспокоило меня. Нет, я испытывала боль, как прежде. Мне было неприятно, когда Роберт уходил в другую комнату, чтобы поговорить с Кариной. Я рассказала маме про депрессию бывшей девушки Роба и что разговорами он пытается ей помочь, а мама меня высмеяла и посоветовала как-нибудь подслушать разговор.

Я никогда не подслушивала разговоры Роберта. И никогда не смотрела его телефон. Это было для меня запретным полем. Той красной линией, которую точно нельзя пересекать. Потому что взрослые люди, состоящие в здоровых осознанных отношениях, так не поступают. Но по совету мамы я решилась. Когда Карина в очередной раз позвонила моему мужу, и он ушел разговаривать с ней в другую комнату, я подкралась под дверь.

Глава 9. Красные линии

— Ну что ты, Каро, ты такая замечательная... Нет, я серьезно, это правда... Конечно, у тебя классно это получалось... Да-да, ты сможешь снова... Я часто вспоминаю... Ну ты же ничего не потеряешь... Каро, лучше тебя никто это не делает... Каро, я серьезно... Ты большая молодец...

Я не могла понять, о чем Роберт с ней говорит, но одно я осознавала точно: это не утешение человека с депрессией в одном шаге от окна. Далее по ходу разговора Роберт несколько раз смеялся. Ну и в целом их телефонная беседа звучала как приятный разговор двух близких людей, а не как сеанс психотерапии с неуравновешенной девушкой на грани.

Когда я услышала, что Роберт прощается с Кариной, я быстро ушла на кухню. Я была растеряна. Я не знала, что думать. Я не понимала, что происходит. Роберт изменяет мне с ней? И делает это открыто, не шифруясь, прямо у меня под носом?

Когда перед сном муж пошел принять душ, я решилась пересечь еще одну красную линию — залезть в его телефон. У Роберта телефон запаролен шестизначным кодом. Я его знала. Набрав цифры, я сразу зашла в мессенджер и открыла диалоговое окно с Кариной. К слову, оно было в самом верху рядом с моим, что говорило об их частых переписках.

Они очень много общались. Каждый день. Тут были и

шутки, и смайлики, и мемы, и ссылки на важные новости. Они обсуждали новости политики и экономики, новинки кино, новый альбом их любимой группы. Мне было сложно читать, потому что слезы застилали глаза. Я не просто ревновала. Это уже была не ревность. Я чувствовала себя преданной. Потому что со мной Роберт никогда столько не переписывался. Наше общение в мессенджере в течение дня было сухим и по делу:

«Во сколько ты сегодня заканчиваешь?»

«Заедешь за мной?»

«Что купить домой?»

«Нужны огурцы, молоко и туалетная бумага»

Вот такой была наша переписка с Робертом. А с Кариной он трепался целый день обо всем на свете.

Но это было не самым тяжелым. Я долистала их переписку до момента, где они договариваются о встрече. Роберт виделся с Кариной за моей спиной и ни словом об этом не обмолвился.

Раньше я никогда не понимала выражение «сердце разбилось». Я не понимала, что это и как. Сердце ведь не ваза, оно не может разбиться. У сердца даже нет костей, которые могут сломаться.

Но читая, как мой муж договаривается о личной встрече в кафе со своей бывшей, я отчетливо ощутила, как мое сердце — не стеклянное и не хрустальное — разбилось. Разлетелось на мелкие осколки, которые больше не склеить.

Услышав, как в ванной затихла вода, я быстро убрала телефон Роберта на место и легла в кровать, отвернувшись к стенке. Слезы душили меня, но я не могла дать им волю. Мне нужно было хорошо все обдумать, я не хотела ругаться с Робертом вот прям сейчас.

Муж вышел из ванной, лег в постель, прижался ко мне сзади. Его сильная властная рука моментально скользнула под мою шелковую сорочку. Роб гладил мои груди, живот, бедра, проводил ладонью между ног, тяжело дышал мне в затылок и прижимался к моим ягодицам своей твердостью. Но я не могла откликнуться на его ласку. У меня в душе был такой раздрай, я еле сдерживала себя в шаге от истерики.

Я скинула с себя руку Роберта, пробормотала невнятно «Я сплю» и придвинулась ближе к стене.

Скандал из-за Карины случился через несколько дней. Я три дня носила все в себе, обдумывала и размышляла. В итоге не выдержала и заявила Роберту, что мне известно про его личную встречу с Кариной, их милую переписку и содержание одного телефонного разговора. В ответ я получила встречную претензию:

— Ты залезла в мой телефон? Ты подслушала мой разговор? Да как ты посмела!

Мы кричали друг на друга и чуть ли не били посуду. Но ругались мы из-за разного. Я ругалась с Робертом из-за Карины, а он ругался со мной из-за того, что я залезла в его телефон и подслушала разговор. Это было похоже на скандал

слепого с глухим. Я кричала Роберту об одном, а он мне о другом.

Мы долго не разговаривали после той ссоры. Я выставила жесткое требование, что Роберт должен прекратить любое общение с Мариной. Он в ответ заявил, что не намерен соблюдать мои ультиматумы.

— Не потому что я так дорожу Мариной, а потому что в принципе никто не имеет права ставить мне ультиматумы. Даже ты.

Так Роберт пояснил отказ удовлетворить мое требование. Но я была уверена: он просто не хочет прекращать общение с Мариной.

Моя мама знатно подлила масла в огонь. Видя мои страдания и слезы, она позвонила Роберту и сказала, что если ему не хватает яиц, чтобы отвадить от себя бывшую, то ему следует переименовать себя из Красовского Роберта в Красовскую Роберту. Да, вот прям так и сказала. Это цитата.

Понятное дело, Роберт пришел в бешенство, и мы поругались еще раз. Он обвинил меня в том, что я докладываю своей маме о каждом шорохе в нашем доме.

— Твоя мама, наверное, знает даже размер моего члена, — вот так заявил мне Роберт.

Нет, размер его члена мама, конечно, не знала. Но я из злости ответила:

— Да, знает. И сказала, что он у тебя маловат.

Но все это были мелочи — мама, Марина... По сравнению

с главной причиной нашего развода.

Глава 10. Неудачные попытки

Первые годы брака мы не думали о детях. Жили в свое удовольствие, неплохо зарабатывали, путешествовали. Много куда ходили после работы и по выходным: кино, выставки, театры, концерты. Ездили в гости к друзьям и приглашали их к нам.

Да, ругались из-за мамы. Да, Роберт не советовался со мной, когда делал ремонт в новой квартире, потому что полагал, что у меня нет своего мнения. Да, меня это обижало. Да, мне не нравилось общение Роберта с Кариной. Да, мы ругались из-за Карины.

Но все вышеперечисленное не дотягивало до той самой точки невозврата, когда пакуешь вещи и уходишь от мужа. Потому что хорошее в нашем браке тоже было. Много хорошего. А самое главное — была любовь. Поэтому после ссор из моей мамы или Карины мы очень бурно мирились. А еще я точно знала — Роберт не изменяет мне с Кариной.

В какой-то момент нашего брака я захотела ребенка. Не было какого-то конкретного повода, почему у меня возникло такое желание. Просто однажды утром проснулась и захотела малыша. Сначала я вынашивала эту идею в себе, а потом озвучила Роберту.

Он отреагировал — никак.

— Ну если ты хочешь, то давай, — таким был его ответ.

Меня удивила реакция Роберта. Я думала, он разделит со мной мой энтузиазм. А он был абсолютно безразличен.

— Ты не хочешь ребенка? — уточнила я.

Роб пожал плечами.

— Мне без разницы.

Я насторожилась. Мы женаты, мы любим друг друга, почему Роберт так безразличен к детям? При том, что у него несколько племянников, которых он очень любит? Неужели он не хочет такого своего, как его любимые племянники?

Мы перестали предохраняться. К слову, мы и раньше не сильно беспокоились о контрацепции. В «безопасные дни» Роберт всегда кончал в меня. Меня не беспокоило, что я не беременею, потому что, во-первых, это же безопасные дни! А во-вторых, мало у кого из моих знакомых получилось забеременеть сразу. Обычно на это уходило несколько месяцев упорных попыток.

Но теперь мы стали чаще заниматься сексом во время моей овуляции, и каждый раз Роб кончал в меня. Первое время беременность не наступала. Я была спокойна, ведь не у всех получается сразу. Каким-то парам требуется время, и довольно многим. Это только в кино героини проводят вместе одну ночь, и сразу зачат.

Беспокойство пришло ко мне через полгода. Я стала слишком переживать, почему у нас не получается. А Роберт был абсолютно спокоен, ему было все равно. Ну не получается и не получается. Подумаешь. Потом получится. Его

безразличие убивало меня. У нас появился новый повод для ссор помимо моей мамы и Карины.

Я боялась себе признаваться, но в глубине души понимала: Роберт не хочет детей.

Я и без того нервничала, а мама накручивала меня еще больше: «Тебе пора ребенка, тебе пора ребенка».

— Зачем ты вышла замуж, если не рожает? — спрашивала она.

Я не рассказывала матери о неудачных попытках. Не хотела, чтобы кто-то знал. Ну и верила, что все же у нас получится. А однажды не выдержала и выдала маме:

— Мы пытаемся, я не могу забеременеть.

Мама и бровью не повела.

— А к врачам ходили?

— Я ходила. Со мной все нормально, анализы хорошие.

— А Роберт?

— Нет, ему некогда. Да и зачем ему? Обычно проблемы на стороне женщины.

— Пускай тоже проверится. Кто его знает, что он мог подцепить от этой Карины.

Замечание мамы возмутило меня до глубины души.

— Роберт не изменяет мне с ней!

— Ну он же когда-то раньше с ней был. И не только с ней. В общем, пускай идет к врачам. Если он не может иметь детей, то зачем он тебе такой нужен.

— Мама! Как ты можешь так говорить? Роберт мой муж.

— Объялся груш. Ты тратишь на него лучшие годы своей молодости. А в сорок лет очнешься и вспомнишь мои слова.

Мне хотелось очень сильно поругаться с мамой. Она относилась к Роберту как к вещи. Меня это задевало, потому что Роберт был моим мужем. И не просто мужем. Он был человеком, которого я любила.

Когда эмоции утихли и обида на маму прошла, я решила: она права. Конечно, не во всем, а только в том, что Робу следует сходить к врачам. Возможно, нам следует сдать какие-нибудь анализы на совместимость. Бывает же несовместимость партнеров. Я решила поговорить с Робертом об этом.

Но неожиданно встретила сопротивление.

Глава 11. Развод

После долгих ссор, обид, упреков Роберт признался: в детстве он переболел свинкой. В его случае бесплодие не стопроцентное, есть шанс на зачатие ребенка, но нужно долго лечиться и все равно не факт, что получится. Я была поражена. В первую очередь тем, что Роб не рассказал мне об этом до брака.

— А это повлияло бы на твоё желание выйти за меня замуж? — спросил в лоб и внимательно впился взглядом в мое лицо.

Я растерялась. По большей части от того, что у меня не было ответа на его вопрос. Просто я считала, что это важная информация, которую люди должны обсуждать друг с другом до брака. Если бы у меня были подобные проблемы, я бы рассказала о них Роберту.

Наверное.

— Нет, но все равно нам следовало поговорить об этом. Ты же понимал, что рано или поздно встанет вопрос о ребенке.

— Я не бесплоден. Просто есть проблемы с фертильностью.

— Давай лечиться.

Вздохнув, Роб отвернулся. Я видела, как напряжены его плечи. Я понимала: ему тяжело. За безразличием он скры-

вает глубокие переживания. Я хотела броситься к нему, обнять, поддержать, сказать, что мы справимся. Но я стояла на месте. Я не знала, хочет ли Роберт от меня поддержки, или ему нужно побыть одному.

В итоге я не подошла к нему. Не обняла. Не сказала, что люблю его, несмотря ни на что.

— Ну давай лечиться, — согласился обреченно.

Роберт начал ходить по врачам, но делал это без особого энтузиазма. Ему назначили лечение, и мне приходилось следить за тем, чтобы он принимал нужные препараты. Иногда он мог забыть.

Вообще, во всем, что касалось лекарств, Роберт был очень халатен. Например, когда он болел гриппом или орви, он так же невнимательно относился к приему препаратов. Мне приходилось буквально подносить ему таблетку со стаканом воды, иначе он не пил. То ли забывал, то ли не хотел.

Но одно дело рядовое орви, а другое дело — лечение бесплодия. Мне казалось, Роб должен быть более ответственен. А он относился к этому как к еще одному орви с неприятной болью в горле. Если я поднесу таблетку — выпьет. Если не поднесу — не выпьет.

Мама постоянно допытывалась, что у нас и как. Первое время я скрывала от нее правду, но потом сдалась. Я рассказала ей про проблему Роберта. Она была ожидаемо категорична:

— Зачем он тебе такой нужен? Он обманул тебя перед

свадьбой, не сказал правду! Ты тратишь на него свою молодость. Потом в сорок лет очнешься и вспомнишь мои слова.

— Мама, перестань! — сопротивлялась я. — Роберт мой муж! В браке разные проблемы бывают, это не повод разводиться.

— Как раз-таки бесплодие — это повод для развода.

— Роберт не бесплоден на сто процентов.

Она махнула рукой.

— Если бы был не бесплоден, вы бы уже родили ребенка.

— Все, мама, перестань! Я не могу больше это слушать!

— В сорок лет ты вспомнишь мои слова.

Я была как меж двух огней: с одной стороны муж, которого люблю, но который почему-то халатно относится к своему репродуктивному здоровью, а с другой мама, которая вроде правильные вещи говорит, но как-то слишком категорично. Сюда добавлялись старые проблемы: Карина и неприязнь Роба к моей маме.

Решение о разводе было не сиюминутным. Я вынашивала его какое-то время. Но я не могу сказать, что это было на сто процентов мое личное решение. Сейчас, спустя три года, понимаю: мамино давление тоже сыграло важную роль. Плюс мне хотелось видеть от Роберта такое же желание иметь ребенка, какое было у меня. А я не видела у него этого желания. Было ощущение, что он живет по принципу: не могу иметь детей, ну и по фиг, не очень-то они мне и нужны.

Ссор стало слишком много. Мама, Карина, бездетность...

мы утонули в скандалах, обидах и раздражении. Мы отделились. Мы стали чужими. Сейчас я думаю: могли ли мы тогда что-нибудь предпринять? Я думаю, могли. Как минимум, пойти к семейному психологу. Но мы ничего не сделали.

Последней каплей стало, когда Роберт услышал, как мама давит на меня и говорит, что я должна развестись и «найти себе другого, нормального и здорового мужа». Это цитата. Роберт вошел на кухню ровно после этих маминых слов. И он просто выставил маму за дверь, прочеканив:

— Вон отсюда.

Я стала защищать маму. Чтобы сильно не нагнетать, родительница быстро ретировалась. А мы с Робом продолжили ругаться. И тогда я сказала ему:

— Я от тебя ухожу.

Он выждал пару секунд. А потом ответил:

— Как хочешь.

Я не сразу стала собирать вещи. Я выждала ночь. Я не спала, ворочалась в пустой кровати. Роб не пришел спать ко мне. Я гадала, тревожится ли он так же сильно, как я. Не выдержав, я встала с постели и пошла в зал. Думала, застаю Роба сидящим на диване. Может быть, со стаканом виски в руке.

А он спал. Беззаботно так, как младенец. Я стояла над ним и смотрела, как он сопит, будто вообще никаких проблем в жизни нет. В то время, как я мучилась, плакала в подушку, он беззаботно спал, будто у него в жизни все зашибись.

Утром я достала чемоданы и стала собирать вещи. Роберт не реагировал. А мне хотелось, чтобы он меня остановил. Чтобы сказал: «Злат, я люблю тебя. Прости. Мы обязательно со всем справимся. Останься. Я не хочу, чтобы ты уходила». Он не сказал.

Я собрала два чемодана и под его холодный, как айсберг, взгляд покинула квартиру. Мне некуда было ехать, кроме как к маме. Она ожидаемо встретила меня похвалой.

— Молодец, давно пора было развестись. Зачем ты вообще столько лет его терпела. Еще и не сказал, что бездетен.

Я не стала спорить с мамой, что вообще-то Роб не бездетен на сто процентов. У него есть шанс однажды зачать ребенка, и не маленький. Просто нужно пройти лечение. Возможно, не одно.

А еще должна быть подходящая партнерша. Не просто здоровая и фертильная, а именно подходящая для Роберта. Может, в нашем случае все дело даже не столько в том, что Роб в детстве переболел свинкой, а в том, что мы просто друг другу не подходим, и с другой женщиной он бы смог зачать ребенка.

Но мы этого не узнали.

И уже не узнаем.

Глава 12. Без мамы

Я захожу в свою квартиру, включаю свет в прихожей, бросаю ключи на консоль у зеркала. Снимаю верхнюю одежду и сую ноги в мягкие уютные тапочки. Вдыхаю полной грудью хвойно-цитрусовый запах своей собственной любимой квартиры. Хвоя — от большой живой елки. А цитрусы — от ароматических палочек.

Я купила квартиру полтора года назад. Сорок метров, евродвушка без балкона. Мне одной хватает этих квадратов. Первые полтора года после развода я жила с мамой. Но с каждым днем жить с ней становилось невыносимее. То ли за четыре года брака с Робом я отвыкла жить с родительницей, то ли она и вправду стала слишком дотошной.

Сразу, как только я получила свидетельство о расторжении брака, мама стала пытаться свести меня с неженатыми сыновьями своих подруг. А мне после развода так хреново было, что я мужчин вообще видеть не могла, не то что ходить на свидания. Роберт сидел в голове и в сердце, как заноза. Я много плакала и не хотела выходить на улицу. Я даже уволилась с работы.

Где-то через полгода страданий и депрессии я стала приходить в себя. Для начала устроилась обозревателем в новую газету — в ту, в которой я работаю сейчас. Зарплата оказалась очень хорошей, коллектив дружным. Это тоже благо-

приятно повлияло на мое состояние. Но Роберт продолжал жить в мыслях, я очень часто пересматривала совместные фотографии, сделанные в самые счастливые дни брака.

В какой-то момент я поняла, что дальше так продолжаться не может: мне нужно вытравить из себя мысли о бывшем муже, как тараканов из квартиры. Сыновья маминых подруг, которых она упорно продолжала сватать, мне не нравились. Поэтому я зарегистрировалась на сайте знакомств. И начались допросы от мамы, как будто мне шестнадцать лет:

«А куда ты ходила?».

«А почему ты так поздно вернулась?».

«А кто это тебя до подъезда провожал? Я видела с балкона».

Я принципиально не хотела рассказывать маме о своих свиданиях, поскольку знала: она не одобрит кандидатов. Она продолжала пихать мне сыновей своих подруг, от которых меня воротило. К слову, с мужчинами с сайта знакомств у меня тоже не клеилось. Дальше трех свиданий ни с кем не зашло.

Мама устраивала мне допросы и по другим поводам. Видимо, все же продолжала считать меня несовершеннолетней:

«Зачем ты купила такую дорогую сумку?»

«Уже двенадцать ночи, почему ты не спишь? Иди ложись»

«В мусорном ведре лежит пустая бутылка из-под вина. Ты что, пила!?»

В общем, я стала мониторить рынок недвижимости. Мне

попалась неплохая евродвушка с ремонтом от застройщика в доме, который уже был сдан. Не сомневаясь ни секунды, я пустила все свои накопления, сделанные в том числе во время брака с Робом, на первоначальный взнос по ипотеке. Мама, конечно, была в шоке, что я съезжаю от нее. Даже плакала. Мое сердце, конечно, сжалось от боли, когда я увидела маму в слезах, но я смогла не поддаться на ее мольбы и все же переехала в собственную квартиру.

Один мужчина после развода у меня все же был. Полгода назад я познакомилась на сайте знакомств с Николаем. Тридцать три года, айтишник, своя квартира и очень хорошая машина. Симпатичный и подкачанный. Без бывших жен, детей и алиментов.

«Вот он!», радостно подумала я на третьем свидании, получив от Николая красивый букет роз.

Через месяц отношений Николай предложил мне поехать вместе отдохнуть. Я согласилась. Мы выбрали хороший отель в Турции, Николай оплатил тур целиком. «Вот он!», снова радостно подумала я. Коля мне так сильно нравился, что в его присутствии я почти перестала вспоминать Роберта.

Буквально за четыре дня до отпуска, когда Коля был у меня дома, внезапно пришла мама и открыла дверь в мою квартиру своим ключом.

Да, у мамы есть ключи от моей квартиры. Мало ли что.

Не помню, по какому поводу она приехала. Возможно, во-

обще без повода. Но, в общем, она застала у меня Колю. Я сразу внутренне напряглась, ожидая от родительницы заявления, что он меня недостоин. Но неожиданно она оказалась с ним очень мила. Мы сидели за столом, пили чай, Коля рассказывал маме про свою работу. Она улыбалась ему и любезничала. Я не могла поверить собственным глазам. Он реально понравился маме? Меня не покидал ощущение, что есть какой-то подвох.

И я не ошиблась.

Как только за Николаем захлопнулась дверь, мама выдала:

— Он алкаш.

— Чего??? — изумилась я.

— А ты не видишь, какая у него красная морда?

— Мама! — вспыхнула я. — Ничего не красная! Просто мы вчера немного вина выпили.

— И часто вы с ним вино выпиваете? — прищурилась.

После того, как родительница обнаружила пустую бутылку в своем мусорном ведре, она и меня стала подозревать в алкоголизме. Но я-то, конечно, пью крайне редко. Только по праздникам или по какому-то случаю. А та бутылка, которую тогда обнаружила мама, была подарком. Журналистам часто дарят подарки.

— Мам, хватит, пожалуйста, — устало попросила я.

— Ты не ответила на мой вопрос: ты часто с этим Николаем вино выпиваешь?

Я отвернулась к посудомойке и стала полностью игнори-

ровать родительницу. Но правда была такова, что часто. И я задумалась об этом только после слов мамы. Коля каждый раз приезжал ко мне с бутылкой алкоголя. А если я ездила к нему, то у него тоже всегда находилась бутылка. В итоге за месяц отношений с Николаем я выпила алкоголя больше, чем за весь предыдущий год. Самое интересное: я не придавала этому значения. Ну, подумаешь, вино. У нас же романтика, свидания.

В Турции я стала следить за тем, сколько алкоголя пьет Коля, и с ужасом поняла: он пьет очень много. К вечеру он уже еле на ногах стоял. И так было каждый день. Самым горьким было осознавать, что мама права: Коля — алкоголик.

Когда мы вернулись в Москву, я с ним рассталась.

Плюхаюсь на диван в кухне-гостиной и вытягиваю ноги на журнальный столик. Задумчиво гляжу на красиво сверкающую елку и нервно тереблю кольцо с бриллиантом на безымянном пальце.

Я купила себе квартиру, чтобы сбежать от назойливого внимания мамы. Но не могу сказать, что моя жизнь как-то изменилась к лучшему. С мужчинами до сих пор не клеится, так что иной раз думаю: а может, не так уж и плохи были сыновья маминых подруг? Там один был разведенный с психотравмой после бывшей жены, второй в тридцать пять лет проживающий со своей мамой, а третий вроде бы ничего, но как-то не в моем вкусе.

Я наплела Роберту, что у меня есть жених и скоро свадьба.
А на самом деле никакого жениха и близко нет.
И что теперь делать?

Глава 13. Платье

На работе нет других тем для разговора кроме предстоящего сокращения зарплаты. Коллеги перешептываются, что уже обновили резюме на сайте по поиску вакансий. Кто-то более смелый предлагает пожаловаться в трудовую инспекцию. Ну тут вряд ли что-то получится. У нас срочные контракты, а зарплата состоит из оклада и премиальной части. Во-первых, сокращение зарплат будет со следующего контракта. Во-вторых, даже если бы хотели урезать сейчас, это было бы законно. Просто уменьшили бы премиальную часть.

Я не участвую в подготовке заговоров против нового генерального директора. Но вместе со всеми смеюсь, когда бывшему мужу придумывают кличку: Гринч — похититель зарплат. Особенно смешно, вспоминая, как мы с Робом смотрели этот фильм перед одним из Новых годов. Я сварила глинтвейн, испекла имбирное печенье, и мы легли в обнимку на диван создавать себе новогоднее настроение.

Злобный запал коллег немного выдыхается, когда на рабочую почту приходит письмо от отдела кадров с приглашением на новогодний корпоратив. Для празднования компания арендует один из лучших ночных клубов Москвы. Я помню его еще со времен своего студенчества. Один раз нас с подругами не пустил туда фейс-контроль. Посчитали, что мы недостаточно шикарно одеты.

К обеду настроение коллег заметно улучшается. Начинают обсуждать наряды на корпоратив. В приглашении было указано «дресс-код cocktail». Добрая половина девушек редакции засела на сайтах маркетплейсов в поисках подходящих платьев. Я тоже думаю о наряде для корпоратива. Там ведь будет Роберт. Он сделает для всех важное объявление: газета и три телеканала, входящие в холдинг, будут каким-то образом объединены. Я эту инсайдерскую информацию коллегам не рассказываю.

До тридцатого декабря остается не так много времени. Я записываюсь в салон красоты возле работы на прическу и макияж. А в салон возле дома на двадцать девятое декабря — на маникюр, педикюр и эпиляцию всех стратегических зон. Не то чтобы я на что-то рассчитываю на корпоративе. Вернее, совсем ни на что не рассчитываю, но мне будет спокойнее, если я пойду туда во всеоружии.

Остается выбрать наряд. Все, что есть в моем гардеробе на данный момент, я отмечаю. Поэтому сдаю редактору статью, как можно раньше, и с разрешения руководителя ухожу с работы за час до окончания трудового дня. Еду в свой любимый торговый центр, в котором есть все необходимые мне магазины. Побродив по нему больше двух часов, я нахожу то, что мне нужно.

Черное платье миди из французской сетки с блестящим напылением. Под сеткой грудь скрывает черный топ, а ниже талии черная утягивающая юбка. Живот между топом и юб-

кой просвечивается через сетку. Также просвечивается выше топа грудная клетка с ключицами. Рукава прозрачные.

Я выбираю платье не для Роберта, но совершенно точно знаю: оно понравится бывшему мужу. Если дополнить образ лодочками на шпильках и клатчем, я буду самой красивой на корпоративе. Ну или одной из.

Фотографирую себя в зеркале в новом платье и отправляю маме.

«Вау, какая красота!», приходит от нее незамедлительно. Довольно улыбаюсь. Я знала, что маме понравится. Она ценит красивую дорогую одежду.

«Покупаю»

«И куда ты в нем такая красивая?»)»

«На новогодний корпоратив»)»

Нехотя снимаю с себя платье — я бы в нем ушла домой! — и переодеваюсь в свои джинсы и свитер. Направляюсь к кассе с платьем, когда слышу входящий звонок. Мама.

— Алло. — Встаю в длинную очередь.

— А зачем ты так наряжаешься на корпоратив? — недовольно.

На самом деле мама хотела сказать: «Зачем ты так наряжаешься туда, где будет твой бывший муженек?».

— Потому что это новогодний корпоратив, мам, — говорю со смешком. — Туда принято наряжаться. Или я должна пойти в джинсах и кроссовках?

— Нет, конечно. Но и так выржаться какой смысл? Осо-

бенно учитывая, что новое руководство собирается урезать тебе зарплату. Не лучше ли поэкономить деньги?

«Особенно учитывая, что твой бывший муж, сукин сын такой, собирается отомстить тебе и сократить зарплату».

— У меня есть сбережения.

— Когда ты останешься без работы, они улетят очень быстро.

«Когда твой Роберт из мести уволит тебя, не заплатив ни копейки, твои сбережения улетят очень быстро».

Подходит моя очередь. Я кладу перед продавцом платье, зажимаю телефон ухом и лезу в сумку за кошельком.

— Mam, хватит. Меня никто не увольняет. А если повезет, я первой уйду.

— Вот именно, «если повезет», — не унимается, — а вдруг ты не найдешь новую работу?

«А вдруг твой бывший мудака из мести перекроет тебе кислород: обзвонит все газеты и попросит никуда тебя не брать?».

— Найду.

— Ты слишком самоуверенна, Злата. Платье, безусловно, красивое, но новогодний корпоратив не стоит того, чтобы так туда наряжаться.

«Твой бездетный бывший муженек Роберт не стоит того, чтобы так для него наряжаться».

— Ладно, мам, пока, я уже на кассе. Напишу, когда буду дома. Завтра созвонимся!

Я сбрасываю звонок быстрее, чем мама успевает сказать мне «пока».

Ну что ж, родительница сделала большой шаг вперед. Прогресс! Она больше не поливает Роберта грязью прямо, а делает это максимально завуалировано. Но я умею переводить то, что она сказала вслух, на то, что она на самом деле хотела бы произнести, но постеснялась.

Глава 14. Он мог

Тридцатое декабря — последний рабочий день в редакции. Мы сдаем новогодний номер газеты, который преимущественно был сверстан заранее. Также до обеда отправляем на вычитку редакторам так называемые консервы — статьи, которые будут публиковать на сайте в течение январских праздников. Там в основном материалы на тему «Что ждет россиян в новом году» — законодательные изменения, громкие инициативы депутатов и правительства, прогнозы экономистов по курсу рубля и инфляции, ну и все в таком духе.

В 15:00 мы с подружками открываем бутылку шампанского, подаренную мне каким-то банком, разливаем по одноразовым стаканчикам, чокаемся и выпиваем.

— Мы тост не сказали, девочки! — спохватилась Ира.

— Чтобы в новом году наши зарплаты не уменьшились, а увеличились! — предлагает тост Аня Персикова, корреспондент по потребительскому рынку.

— Аминь, — говорит Наташа Задорнова, корреспондент по банкам. Иногда мы с Наташей пишем статьи вместе. Я обозреватель, она корреспондент. Мы сидим на одной банковской поляне.

Снова чокаемся и выпиваем.

— Красивый у тебя маникюр, — замечает Ира мои ногти,

когда я чищу мандарин. Какой-то банк прислал нам в редакцию целую корзину с цитрусами.

Гляжу на свой красный гель-лак. Сегодня я буду леди-вамп: чёрное платье, которое вчера купила, красные ногти и красная помада.

— Спасибо. Кстати, мне пора в салон на причёску и макияж. Через час вернусь, девочки.

Не все мои подруги так тщательно готовятся к корпоративу, как я. Некоторые из них принесли косметички из дома и будут краситься в редакционном туалете. Ну а я ухажу в салон возле нашего офиса. Объясняю стилисту, что я хочу, и девушка с пирсингом в брови начинает надо мной колдовать.

Несмотря на предстоящее сокращение зарплаты, я внезапно чувствую новогоднее настроение. Вот прямо в эту секунду, сидя в кресле напротив зеркала. Девушка-стилист умело крутит мне пряди, превращая меня в красотку. Когда причёска готова, ко мне подходит визажист и начинает делать макияж.

Через час на меня в отражении зеркала смотрит действительно леди-вамп: со смоки-айс и красной помадой. Когда я возвращаюсь в редакцию, подруги не узнают меня.

— Злата! — ахает Ира. — Какая ты красотка!

— Ну ничего себе! — восхищается Наташа.

— Обалдеть! — восклицает Аня.

— Осталось переодеться в платье, — говорю, — и можно вызывать такси.

Я достаю из шкафа платье в чехле и удаляюсь в туалет, чтобы переодеться. Когда выхожу к подругам в новом наряде, собираю еще одну порцию комплиментов. Переобуваюсь из балеток в бежевые лодочки, надеваю шубу и спускаюсь с коллегами вниз к ожидающему нас такси.

Нет, это я не для Роберта, повторяю себе как мантру. Бывший муж вообще не при чем. Я молодая разведенная девушка, которая не против снова создать семью. Вдруг именно на этом корпоративе я встречу свою судьбу? Я должна быть во всеоружии. В клубе же не только сотрудники газеты будут, но еще и трех телеканов. Мы в одном холдинге, но никогда не встречались. Может, среди операторов и телекорреспондентов ходит мой тот самый принц?

Клуб поражает своей шикарной обстановкой. По такому дорогому корпоративу и не скажешь, что холдинг на грани банкротства. Спасибо бывшему генеральному директору, успел нас порадовать перед уходом. Роберт, конечно, такой корпоратив ни за что бы не устроил.

Музыка играет не громко. Можно разговаривать с коллегами. На столах всюду бокалы с алкоголем и вкусные закуски. Официанты с подносами снуют между гостями. Мы с подругами становимся за столик, наполняем его едой и напитками. Я участвую в беседе, а сама верчу по сторонам головой. Коллеги расслаблены и веселы, а вот я испытываю внутреннее напряжение.

Это из-а того, что Роберт будет делать важное объяв-

ление о слиянии газет и телеканалов.

Кстати, в клубе полно незнакомых людей. Думаю, это и есть те самые сотрудники телеканалов. Интересно, им тоже зарплаты урезают? Если и да, то по их веселому виду не скажешь.

Музыка затихает, и на сцену выбегает молодой парень в джинсах и пиджаке.

— Всем добрый вечер, дамы и господа! — радостно приветствует присутствующих. Видимо, это ведущий. — Меня зовут Артем, и этим вечером я буду с вами!

— А он симпатичный, — шепчет мне на ухо Ира. Она тоже в разводе, но в отличие от меня у нее есть дочь-подросток.

— Ага, ничего такой, — соглашаюсь. Ведущий и правда на мордашку смазливый.

— Друзья, мы собрались сегодня здесь, чтобы отпраздновать наступление Нового года. Всего через два дня мы перевернем календарь...

Ведущий распинаясь с задорной речью. Я нервно барабаню красными ногтями по белой скатерти стола. Роберта нигде не видно. Может, он прячется за кулисами?

— А теперь приглашаю на эту сцену генерального директора медиахолдинга Красовского Роберта Александровича!

Ха! Так и есть! Роб выходит из-за кулис.

Мы не виделись с того дня, как он вызвал меня к себе в кабинет, чтобы сообщить о сокращении зарплаты. И сейчас, глядя на Роберта в безупречном костюме с иголки, у меня

дух захватывает. По коже под полупрозрачной сеткой платья пробегает табун ледяных мурашек.

Это так странно — лицезреть Роберта через три года после развода.

Он еще даже не успел стать чужим...

— Всем добрый вечер! — Роб приветствует нас в микрофон. — Вау, как вас много! Я, если честно, не очень умею выступать перед публикой, — по залу проносится волна смеха. Я тоже улыбаюсь. Но в отличие от остальных я знаю: Роберт говорит правду. Он не любит толкать громкие речи, произносить тосты и все такое. — Мне так много есть, что вам сказать, — Роб задумчиво чешет затылок. — Первое — я полностью согласен с вами в том, что вы все меня ненавидите. Я сам себя ненавижу за то, что урезаю вам зарплаты. Но, ребят, это правда вынужденная мера.

По залу проносится новая волна смеха. Впервые мы смеемся над тем, что нам сокращают оплату труда. Сейчас это выглядит как шутка.

— Я очень надеюсь, что у нас получится вернуть ваши зарплаты на место и даже увеличить их. Но это станет возможным, только если в следующем году нам удастся провести важную реформу. — Вот оно, сейчас Роберт объявит сенсацию. Коллеги затаили дыхание. Слово «реформа» никому не нравится. — В следующем году планируется объединение газеты и телеканалов.

Робу не дают сказать дальше, по клубу прокатываются

возмущенные шепотки. Когда они затихают, бывший муж продолжает:

— Что это значит? Конечно, и телеканалы, и газета продолжат существовать дальше в привычном для аудитории формате, но работа внутри будет перестроена. Теперь вашей задачей будет максимально помогать друг другу и объединять усилия. Приведу пример: журналист газеты договорился об интервью с министром финансов. Теперь на это интервью он будет ехать не один, а брать с собой корреспондента с телеканала и камеру.

Новая волна возмущения прокатывается по залу. Я тоже негодую. Я, значит, договариваюсь об интервью, трачу на это кучу сил, времени и ресурсов, а дармоеды с телека просто сядут мне на хвост и выедут в рай за мой счет?

Прекрасно. Просто прекрасно.

— Это как пример того, что вас ждет после объединения. Также будет один большой общий сайт на базе нынешнего сайта газеты. С Нового года на сайте будут не только материалы печатных журналистов, но и видео с выпусков новостей и прочее. Повторюсь: задача — всем ресурсам холдинга максимально объединиться и работать на одну общую цель.

— Пиздец, — шепчет мне на ухо Ира. — Точно надо валить.

Оглядываюсь по сторонам. Все коллеги без настроения. Незнакомые люди с телека тоже.

— Руководить процессами по объединению будет мой но-

вый заместитель. Позвольте представить вам, — Роб поворачивает голову вправо, где находится лестница на сцену. — Миронова Карина Олеговна! — торжественно называет имя.

Стройная брюнетка в красивом брючном костюме и с улыбкой до ушей поднимается на сцену. Я смотрю на нее, не мигая. Ноги налились свинцом и приросли к полу, в горле резко пересохло. Сердце качает кровь с удвоенной силой.

Роберт передает ей микрофон.

— Всем добрый вечер! — обворожительно улыбается.

Нет, этого не может быть. Роберт не мог.

Он мог.

Роберт взял своим новым заместителем Карину.

Ту самую Карину.

Глава 15. Перемены

— Перемены — это всегда сложно, это выход из зоны комфорта. А никому не хочется выходить из зоны комфорта. Однако без перемен не бывает развития к лучшему. Перед нами стоят большие задачи. В следующем году мы будем реализовывать их вместе!

Наконец-то Карина заканчивает свою длинную пустую речь и передает микрофон ведущему. Ее радостная белозубая улыбка сильно контрастирует с кислыми лицами в зале. На Карине черный деловой костюм из брюк и пиджака. Наверное, это в знак нашего траура. Они с Робертом спускаются со сцены и скрываются за кулисами.

В груди разливается горечь разочарования.

— Слушай, а ты ее знаешь? — спрашивает меня на ухо Ира, пока ведущий травит шутки, над которыми никто не смеется. — Это случайно не та Карина Миронова, которая запускала радио у газеты «Бизнес».

— Да, это она, — цежу сквозь зубы.

— Ну тогда понятно, почему ее к нам взяли. У нее уже есть необходимый опыт.

В сердце теплится надежда: Роберт взял Карину своим замом не потому что у них роман, а потому что Карина обладает необходимыми компетенциями. Во-первых, она тоже окончила журфак. Ну это ладно, журфаковский диплом еще

не говорит о профессионализме человека. А во-вторых, — и самое главное — Карина уже проводила похожую реформу в другом СМИ.

Несколько лет назад газета «Бизнес» захотела запустить собственную радиостанцию и как-то интегрировать ее с печатной версией. Этим занималась Карина. Она запустила радио и наладила процессы так, чтобы журналисты газеты не только печатные статьи писали, но и выступали в эфире радио. В итоге газета и радиостанция «Бизнес» это отдельные СМИ (как это и должно быть), но в то же время очень друг с другом связаны. Видимо, что-то подобное планируется и у нас с телеканалами.

Роберт же поэтому нанял Карину? А не потому что они спят?

Хотя какое мне дело, даже если и спят?

Никакого дела, а все равно неприятно.

— Девчонки, — поднимает бокал вверх Наташа, — я предлагаю грустить и плакать после новогодних, а сейчас отдыхать и веселиться! За нас, красотки!

Я чокаюсь с подругами своим бокалом. Делаю глоток и медленно расслабляюсь. Наташа права. Как говорила моя любимая Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра». В моем случае: я подумаю об этом после праздников. А сейчас отдыхать и веселиться! Корпоратив как никак!

Ведущий ушел со сцены, теперь вышла петь кавер-группа. Я слегка пританцовываю в такт известной песне и как бы

невзначай кручу головой по сторонам в поисках какого-нибудь симпатичного мужского лица без кольца на пальце.

Но случайно встречаюсь взглядом с Робертом.

Это неожиданно. Я резко перестаю танцевать. Бывший муж стоит один у сцены и смотрит ровно на меня. Такое ощущение, что он уже наблюдал за мной какое-то время прежде, чем я его заметила.

Вселенная! Когда я хотела найти симпатичное мужское лицо без кольца на пальце я не имела в виду Роберта!

Ну почему желания всегда сбываются, но под другим углом?

Бывший муж отрывается от точки и направляется ровно ко мне. Он что, собирается подойти к нашему с девочками столику? Чтобы поговорить со мной? При всех?

Нет, я не хочу, чтобы кто-нибудь о нас знал. Подругам известно о моем семейном положении разведенки, но они не знают, кто был моим мужем. И я не хочу, чтобы узнали. Поэтому я незаметно ускользаю от коллег. Но и навстречу к Роберту не иду. Направляюсь в противоположную сторону, протискиваясь мимо незнакомых людей с телеканалов. Не знаю, идет ли Роберт за мной, но чей-то взгляд сильно жжет мне лопатки. Сворачиваю в какой-то коридор и с облегчением выдыхаю. Тут никого нет.

Роберт вырастает из-за угла как нечто неизбежное. Надвигается как скала. Может, он пройдет мимо меня дальше по коридору? Но нет, бывший муж останавливается рядом.

— Привет, Злата, — пробегается по мне взглядом с недобрым огоньком.

И тут мне начинает казаться, что я переборщила со своим внешним видом.

Глава 16. Небезразлично

— Привет, Роберт, — отвечаю максимально невозмутимо. — Что тебя сюда привело вслед за мной?

— Увидел тебя, захотел подойти.

Роб опускает взгляд с моего лица на правую ладонь. Я предусмотрительно надела кольцо на безымянный палец. Мне теперь постоянно придется так делать, чтобы бывший муж не заподозрил меня во лжи.

— Как твоя подготовка к свадьбе? — спрашивает с иронией в голосе.

Он как будто до конца не верит, что я реально выхожу замуж.

— Идет своим чередом.

— И когда торжество?

— Летом. А как дела у вас с Кариной? Жениться не собираетесь?

Лучшая защита — это нападение. Я не хочу тонуть во лжи о своей мифической свадьбе, поэтому перевожу стрелки на Роберта.

— Мы с Кариной никогда не собирались жениться. Даже когда встречались давным-давно во время студенчества.

— А почему так? — удивляюсь. — Вы столько лет вместе. Вы были вместе даже во время нашего с тобой брака.

Не хочу, чтобы мои вопросы звучали ядовито, но само со-

бой получается. Ничего не могу поделать.

Роб делает очень знакомое выражение лица. Он часто делал его, когда мы были женаты. Оно говорит что-то типа: «Опять двадцать пять, я же тебе сто раз объяснял».

— Злата, я никогда не изменял тебе ни с Кариной, ни с кем-то еще. Три года прошло после нашего развода. Поверь: мне нет смысла тебя сейчас обманывать. Я действительно не изменял тебе. Никогда. Ни с кем.

Роберт говорит с таким чувством и так убедительно, что у меня дыхание сбивается. Мне очень хочется ему верить. Хотя и много лет прошло после развода, мы давно друг другу чужие люди, но так хочется верить, что действительно не изменял с Кариной. Пальцы начинают дрожать, я прячу руки за спину. Насчет других девушек я не сомневаюсь. Меня всегда гложила только его бывшая.

— Но дружбу с ней сохраняешь, — хмыкаю, стараясь не показать, как меня воодушевили его признания об отсутствии измен.

— Я бы не сказал, что мы с Кариной большие друзья. Я пригласил ее на работу, потому что у нее есть необходимый опыт. Карина уже проводила похожую реформу в другом СМИ и сделала это успешно. Вот и все. Мне от Карины нужны только ее профессиональные компетенции.

Я снова хочу верить Роберту. Очень хочу. Факт того, что Роб стоит тут передо мной и оправдывается, хотя я давно ему никто, говорит же о том, что ему я ему небезразлична?

Ну, как минимум, не безразлично, что я подумую.

— А ей какой резон был соглашаться, если у нее в другом СМИ все хорошо было?

— Она там в общей сложности десять лет проработала и достигла определенного потолка. Захотела чего-то нового, захотела роста. Я предложил Карине должность выше, чем у нее была там.

Пока звучит логично. В журналистике мало кто работает на одном месте десять лет. Да это одуреть можно. В основном все меняют работу каждые три-четыре года. Как-то так устроено в нашей отрасли. Я не исключение. То зарплату больше предложат, то должность выше, то более статусное СМИ обратит на тебя внимание и пригласит. Так оно и получается, что все мигрируют туда-сюда между газетами.

Главный вопрос другой — почему мне так хочется верить Роберту?

Почему мне все еще небезразлично?

— Знаешь, а мне приятно, что ты до сих пор ревнуешь меня к Карине, — довольно почесывает подбородок. — Хотя это странно, учитывая, что ты выходишь замуж.

Роберт говорит с определенной долей сарказма. А я моментально напрягаюсь и вытягиваюсь как струна. Потому что...

Ну какого фига я устроила ему ревнивый допрос, как будто до сих пор являюсь его законной женой?

Роберт расплывается в широкой улыбке, как Чеширский

кот. Он подловил меня на небезразличии. Спустя три года после развода.

Вот же блин...

— Знаешь, а мне приятно, что ты до сих пор передо мной оправдываешься. Хотя это странно, учитывая, что мы давно развелись, а я скоро повторно выхожу замуж.

Я отрываюсь от стены и уверенной походкой с гордо поднятой головой направляюсь обратно в зал клуба, откуда доносится известная песня. Кавер-группа еще на сцене. Присутствующие пьют и пританцовывают. Кажется, все уже забыли про названные Робертом реформы. Ну или решили не портить себе настроение ими. По крайней мере сегодня.

Я подхожу к своим девочкам. Когда становлюсь рядом с Ирой, она обнимает меня за талию. Я начинаю раскачиваться в такт музыке вместе с ней.

— А корпоратив классный, — говорит мне на ухо.

— Это заслуга предыдущего гендира.

Самое смешное: добрая половина присутствующих коллег может подумать, что такой крутой праздник нам устроил Роберт. Я обвожу глазами зал и незаметно передеваю кольцо на средний палец. Если я хочу с кем-нибудь познакомиться, то мне нельзя носить кольцо на безымянном пальце. А Роберт вряд ли сегодня еще будет ко мне подходить. Он вообще не любитель корпоративов и больших сборищ. Надеюсь, в самое ближайшее время он отправится домой.

Я оглядываю присутствующих, но внезапно мой взгляд

спотыкается о Карину. Мгновение мы смотрим друг на друга, а затем ее лицо озаряется удивлением.

Узнала меня.

Глава 17. Блестяще и дорого

Вслед за озарением узнавания физиономия Карины расплывается в такой счастливой улыбке, как будто мы с ней лучшие подруги, которые волею судьбы не виделись десять лет, а сейчас случайно встретились, и это стало приятным сюрпризом для обеих. Бывшая девушка моего бывшего мужа начинает протискиваться сквозь толпу. Направляется ровно ко мне.

Я не знаю, куда себя деть. Остаться стоять на месте рядом со своими девочками? Чтобы они увидели, как ко мне с улыбкой до ушей подошла новая замгендиректора, отвечающая за сокрушительную реформу холдинга? Или мне убежать, как я сделала, когда когда ко мне захотел подойти Роберт?

Вообще, складывается ощущение, что в треугольнике я-Роберт-Карина кроме меня никто не намеревается скрывать наше знакомство. Бывший муж ведь тоже собирался подойти ко мне в присутствии коллег.

Пока я слишком долго размышляю, куда себя деть, Карина оказывается возле меня.

— Злата! — восклицает так громко, что мои подруги на нас оборачиваются. Бросаю на них беглый взгляд. Глаза девочек округлились в немом вопросе: «Ты ее знаешь!? И ты молчала!?». — Вот это сюрприз! Ты здесь работаешь?

Ну а что я делаю на этом корпоративе, если не работаю в холдинге?

Л — логика.

— Привет, Карина, — выдавливаю из себя улыбку. — Какая неожиданная встреча. Да, я работаю в газете.

— Ну ничего себе! Как тесна наша журналистская деревня!

Это точно. Количество СМИ в нашей стране ограничено. Журналисты мигрируют туда-сюда. В итоге все друг друга знают, если не лично, то через одно рукопожатие.

— Да уж, не ожидала тебя встретить.

Я не знаю, как вести себя с Кариной. Мы знакомы лично, а не просто через Роберта. Впервые я увидела Карину там же, где бывшего мужа. Это была какая-то журфаковская тусовка. На тот момент Роб и Карина уже расстались. Я на той вечеринке мало кого знала, поэтому пропустила с Кариной пару бокальчиков, болтая ни о чем. Она показалась мне милой.

Второй раз мы встретились, когда мы с Робертом уже жили вместе. Это был день рождения приятеля и однокурсника Роба. Карина тоже присутствовала на том торжестве. Я сразу узнала в ней девушку, с которой пила шампанское на журфаковской вечеринке. Но я больше не могла смотреть на Карину как на старую знакомую, с которой однажды где-то пересеклась. Отныне она была для меня бывшей девушкой моего любимого мужчины. Помню, на том дне рождения Роб

и Карина сдержанно поздоровались друг с другом и больше не разговаривали. Роберт представил меня друзьям как свою невесту. Карина радостно захлопала вместе со всеми.

Наша третья встреча состоялась на дне рождения того же человека, но два года спустя. К тому моменту я уже терпеть Карину не могла, потому что знала о частом общении Роберта с ней. На той вечеринке Карина была как белая ворона. Все пили и веселились, а она сидела в углу с траурным лицом. У нее кто-то умер. Роберт в тот вечер держался возле меня, но в какой-то момент не выдержал, подошел к Карине, взял ее под руку и вывел из зала ресторана. Он вызвал ей такси и посадил в машину.

— Карина очень переживает утрату, у нее сильная депрессия, — пояснил мне Роберт.

— Зачем она вообще сюда пришла тогда, — огрызнулась я.

— Хотела развеяться, думала, получится отключиться.

— Или хотела лишний раз попасться тебе на глаза, — съязвила я.

Роб покачал головой.

Справедливости ради, на той вечеринке Карина не пыталась обратить на себя внимание Роберта. Или вообще хоть чье-то внимание. Она реально весь вечер просидела, забившись в угол дивана. Ничего не ела и не пила. Я заметила, что за те два года, что мы не виделись, Карина из стройной девушки с аппетитными формами превратилась в сплошную

доску. Щеки впали, губы и грудь стали в два раза тоньше. Она была похожа на анорексичку со стажем.

А сейчас передо мной стоит та самая стройная и красивая Карина Миронова, с которой я познакомилась во время учебы на журфаке. Ни намек больше нет на страдания и трагедию в связи с утратой близкого человека. Карина выглядит блестяще. Дорого. В руках небольшой клатч с логотипом люксового бренда. На ногах туфли с красной подошвой — Лабутены. Волосы сияют, как в рекламе шампуня. Улыбка как у актрисы из Голливуда.

— Я не знала, что ты здесь работаешь, — от Карины пахнет дорожными духами. — Мне еще предстоит познакомиться с коллективом. Очень приятно, что в холдинге есть такие профессионалы, как ты. Я давно читала пару твоих исследований, Злат. Ты супер!

Она что, подлизывается ко мне?

Глава 18. Вынужденные меры

— Спасибо, — выдавливаю со сдержанной улыбкой.

Я не знаю, что еще сказать Карине. На языке вертится вопрос: «Ты спала с моим мужем?». Но его я, конечно, не задам. Да и Роберт десять минут назад слишком убедительно доказывал, что не изменял мне никогда.

Боковым зрением замечаю, что мои девочки не спускают с нас глаз. Сейчас я вернусь от Карины к ним, и они засыпят меня вопросами. Поэтому решаю отвлечь их.

— Ты сказала, никого в коллективе еще не знаешь? Давай я познакомлю тебя, — показываю Карине рукой на своих подруг за столиком. Делаю шаг к ним, и Карина вместе со мной. — Это Ира, редактор отдела бизнеса в газете. Это Наташа, она корреспондент по банкам. Иногда мы пишем с ней вместе. Это Аня, она пишет про потребительский рынок. Девочки, а это Карина Миронова, она будет у нас новым заместителем генерального директора, ну вы это и так уже знаете.

— Очень приятно познакомиться, — Карина протягивает ладонь для рукопожатия каждой из моих подруг. — Очень надеюсь, что мы сработаемся. Сразу предупреждаю: нет цели всех вас уволить. Есть цель провести реформу, благодаря которой всем станет лучше.

Оптимизм Карины не передается моим подругам. А им палец в рот не клади, особенно Ире.

— А Роберт Александрович вызывал нас к себе по одному и говорил, что после десятого февраля кто-то может быть уволен.

Карина кивает.

— Мы никого из вас не знаем лично. Не знаем, сработаемся ли мы в условиях новой реальности. Поэтому Роберт Александрович так сказал. Может быть, кто-то из вас сам захочет уйти. Мы прекрасно понимаем, что не все согласятся на сокращение зарплаты. Но злой и коварной цели всех выгнать у нас нет.

— У вас только цель урезать всем зарплаты, — язвит Наташа.

— Это вынужденная мера. И мы надеемся, что временная.

— Нет ничего более постоянного, чем временное, — вставляет Аня.

— Мы прекрасно понимаем: для того, чтобы у нас работали лучшие журналисты на рынке, мы должны соответствующе им платить. Иначе лучшие журналисты уйдут к нашим конкурентам. Мы не можем такого допустить. Поэтому самая первая приоритетная задача в результате реформы — откатить зарплаты до прежнего уровня. Следующая задача — увеличить их.

— Допустим, мы вам верим, — говорит Ира. — И допустим, мы все такие лояльные и так сильно любим нашу газету, что готовы потерпеть. Сколько нам терпеть?

— Полгода минимум.

— Полгода!? — восклицают хором. — Да еще и «минимум»? — добавляет Аня.

— Я с вами честна. Я могла бы обмануть вас и сказать, что это всего на пару месяцев. Но я говорю честно: полгода минимум. Возможно, больше.

Новогоднее настроение испорчено уже какой по счету раз за вечер. Ира растерянно глядит на меня, как будто я могу спасти ситуацию. Но я в таком же шоке, как мои подруги.

— Вы должны понять, — Карина снова подает голос. — Это не Роберт пришел сюда и решил: «А сокращу-ка я им всем зарплаты, потому что мне скучно». Акционеры уволили предыдущего генерального директора, поскольку он не смог оптимизировать расходы. Акционеры наняли Роберта Красовского, потому что он известен на медиарынке как лучший антикризисный менеджер. Роберт представил акционерам стратегию, как можно сократить расходы и увеличить прибыль. Акционеры одобрили его стратегию. Роберт нанял меня, чтобы я помогла провести реформу, поскольку у меня уже есть похожий опыт. Вот и все. Если бы акционеры не наняли Роберта, то они бы наняли кого-то другого. И этот кто-то другой тоже проводил бы реформу. Возможно, не такую, а другую, но в любом случае сокращения зарплат не удалось бы избежать. Можно долго дискутировать, почему холдинг из успешного превратился в отстающего, который едва сводит концы с концами. Но мы имеем, что имеем. Акционеры хотят спасти холдинг. Роберт и я здесь для того, чтобы спа-

сти холдинг.

Карина замолкает. Мои подружки поникли и ничего не говорят. Я так и читаю в их глазах: «Спасатели хреновы». Тишину между нами заполняет новая песня кавер-группы. Известная и популярная, но ее никто не слушает.

— Мне было очень приятно с вами познакомиться, — Карина подводит итог знакомству. — Я надеюсь, мы сработаемся и вместе переживем трудные времена. Поверьте: ни один руководитель не хочет принимать решения, которые не нравятся коллективу. Но иногда приходится это делать. С наступающим, девочки. — Карина одаривает всех прощальной улыбкой и растворяется в толпе.

Три пары глаз уставились на меня.

— Что? — складываю руки на груди в защитной позе.

— Откуда ты ее знаешь? — набрасывается на меня Ира.

— Ее много кто знает. Это же Карина Миронова, которая запускала радио в газете «Бизнес».

— Ты понимаешь, о чем я! Ты была знакома с ней лично?

— Да... мы вместе учились на журфаке с разницей в пару лет. Познакомились на какой-то вечеринке. У нас есть немного общих знакомых.

Я нервно смеюсь. Надеюсь, получилось убедительно. Но подружки сейчас так расстроены, что у них нет настроения лезть мне в душу и докапываться до правды. Всех интересует только собственный кошелек. Мы снова становимся в кружок вокруг стола с бокалами и закусками.

— А если серьезно? — спрашивает Ира. — Планируете искать новую работу?

— Я, наверное, на праздниках обновлю резюме, — отвечает Наташа. — Посмотрю, будут ли новые предложения.

— Я брошу клич по знакомым в других изданиях, узнаю есть ли где-нибудь вакансии, — говорю я.

Ира вопросительно глядит на Аню. Она молчит. Потому что Ира — ее начальница.

— Да колись ты уже! — не выдерживает Ира.

— Ты мой непосредственный руководитель, я не могу.

— Сейчас мы в одной лодке.

Аня сдается.

— Ну, месяц назад у меня было предложение от другой газеты, но там зарплату предложили такую же, как тут, поэтому я отказалась. А раз здесь теперь урезают, возможно, приму то предложение. При условии, что они еще никого не нашли.

Ира сводит брови на переносице.

— Это кто пытался тебя переманить? — упирает руки в бока.

— Вот поэтому я и не хотела рассказывать! Ты не сможешь выключить в себе начальника.

— Нет, мне просто интересно, кто посмел переманивать моих людей.

У Иры и Ани завязывается перепалка. Я отхожу на пару шагов в сторону, потому что не хочу в ней участвовать.

Смотрю, как поет группа на сцене, пытаюсь проникнуться хорошей музыкой, а не получается. Мысли не здесь. Я даже не думаю о реформе и сокращении зарплаты. Это все кажется не столь важным по сравнению с тем, что я и Роберт снова встретились. Через три года после развода.

Мне нужно избрать тактику по общению с бывшим мужем и Кариной, если я решу остаться в газете. В отличие от своих подруг, которые твердо намерены искать новую работу, я знаю Роберта на самом деле. И знаю, что к таким кардинальным мерам, как урезание зарплат, он прибегает, только когда действительно нет другого выхода. И я знаю, что когда акционеры давят сверху и требуют урезать расходы, Роберт отставляет зарплаты людей до последнего. Такое у него уже было в другом месте, в котором он работал, когда мы были женами. Так что я верю: это вынужденная мера, которую нужно просто перетерпеть. Как только появится возможность, Роберт вернет зарплаты обратно.

Мне кажется, или я ищу причины остаться на этой работе?

Мне становится противно от самой себя. Да я первой должна бежать отсюда, чтобы не видеть ни бывшего мужа, ни его подружку.

— Ладно, девочки, — поворачиваюсь к спорящим подругам, — я поеду домой. С наступающим вас всех! Увидимся в Новом году!

Я целую подруг в щеки и направляюсь к гардеробу. Не получилось веселого корпоратива. Остальные посетители оста-

нутся дальше и, возможно, заразятся праздничным настроением, но мне хочется поскорее приехать домой и свернуться клубком на диване.

Я надеваю шубу, вызываю такси и выхожу из клуба. У выхода толпится курящая компания. Я отхожу чуть в сторону. Машина приедет через четыре минуты.

— Уже уходишь? — звучит знакомый голос сбоку.

Я аж дергаюсь. По заснеженному тротуару ко мне направляется Роберт. На нем зимнее пальто, которое незадолго до развода мы покупали вместе. На русые волосы падают одинокие снежинки.

Я чувствую укол в сердце. Роберт не изменился.

— Да, я домой.

Роб опускает взгляд на телефон у меня в руках. Видит, что на экране горит приложение для вызова такси.

— Моя машина чуть дальше стоит. Пойдем, я отвезу тебя.

Глава 19. Ничего не изменилось

Роб обходит меня и делает пару шагов по тротуару, а когда понимает, что я не иду за ним, останавливается и поворачивает ко мне голову.

— Спасибо, не надо, я на такси.

— Да брось, Злат. Я просто отвезу тебя.

— Спасибо, не надо.

Я упрямо поворачиваю голову к дороге. Бросаю быстрый взгляд на экран мобильного. Три минуты.

— Мама не разрешает? — вопрос звучит с усмешкой.

Снова смотрю на Роберта.

— При чем тут моя мама?

— Ну как же. Я аморальный тип, от которого твоя мама велела тебе держаться подальше, иначе я испорчу тебе жизнь.

Кровь в венах начинает медленно закипать.

— Моя мама здесь не при чем. Я не хочу, чтобы ты отвозил меня домой, потому что считаю это неправильным. Ты же не развозишь по домам других сотрудников.

— Ну так я не любил других сотрудников и не женился на них.

Ответ Роба сначала повергает меня в шок, в следующую секунду окатывает волной тепла по телу, а напоследок заставляет руки задрожать.

— Дело только в этом?

Роберт глубоко вдыхает и выдыхает через нос поток пара.

— Злата, ты мне не чужая. Мы не очень хорошо расстались, но что плохого в том, что я хочу отвезти тебя домой?

«Я не любил других сотрудников и не женился на них», звенит в голове.

Что-то в голосе Роберта заставляет мою броню треснуть. Возможно, то, что он слишком сильно настаивает. И упомянул любовь. Роберт мог бы пройти мимо и поехать один, а еще мог бы дожидаться Карину и отвезти домой ее.

Но он не отвозит домой Карину, он хочет отвезти меня.

— Ладно, — соглашаюсь и отменяю такси. До его приезда осталась одна минута, теперь с меня спишут деньги за то, что водитель проехал больше половины пути.

Я иду по тротуару вслед за Робертом. У его машины — у него тот же самый черный джип, что и когда мы были женаты — я оглядываюсь по сторонам в поисках знакомых лиц. У входа в клуб продолжает толпиться курящая компания, но, во-первых, я никого в ней не знаю, а во-вторых, они слишком увлечены разговором и смехом.

Роб галантно открывает передо мной переднюю дверь, и этот жест моментально возвращает меня на много лет назад, когда мы сначала встречались, а потом жили вместе, и Роберт всегда, ВСЕГДА, открывал передо мной двери: машины, подъезда, ресторана... Поначалу мне было непривычно. Ни один мой ухажер до Роберта не открывал передо

мною дверей. Но потом я привыкла и стала воспринимать как должное.

А за три года развода снова отвыкла, поэтому стою пару секунд у открытой дверцы автомобиля и удивленно хлопаю глазами.

Отмираю и ныряю в салон. Делаю глубокий вдох и снова отправляюсь в прошлое на машине времени. Запах в автомобиле не изменился. Роберт за три года не поменял освежитель воздуха, висящий на зеркале дальнего вида. Все в автомобиле кажется знакомым. Нет, не просто знакомым. Родным. Обивка сидений из светлой кожи, мятные леденцы в подстаканниках, небрежно брошенные шапка и шарф сзади. Роберт садится на водительское место, заводит мотор, и запах салона смешивается с его личным запахом. Я вдыхаю этот аромат из прошлого, и каждая клетка моего тела трепещет.

— Где ты сейчас живешь? У мамы?

Вопросы Роберта проникают в меня сквозь вату. Мне упорно кажется, что не было развода, не было трех лет разлуки.

Ведь ничего не изменилось.

Даже пальто на Роберте то, что мы покупали вместе.

Неужели три года — это так мало?

— Нет, я купила квартиру.

Роб слегка приподнимает брови в удивлении.

— Молодец. Смелое решение.

— Пожалуйста, давай без издевок.

— Нет никаких издевок. Я правда считаю, что ты молодец. Поздравляю с покупкой собственной квартиры. Это очень круто.

И в его голосе действительно нет издевки. Даже в глазах смеха нет.

Роберт на самом деле поздравляет меня.

— Спасибо, — смягчаюсь. — Можешь вбить адрес в навигатор.

Я диктую улицу и номер дома. Далековато отсюда. По пустым дорогам полчаса езды. Роберт трогается с места, проезжает по переулку несколько десятков метров и поворачивает на широкую дорогу.

Время — одиннадцать часов. Не очень позднее, но ощутимое для человека, у которого есть семья. Означает ли тот факт, что Роб в 23:00 везет меня, а не торопится к себе, что у него никого нет?

— А ты там же живешь? — спрашиваю.

— Да.

Я не смогла полюбить нашу новую квартиру. Покупали ее вроде бы вместе, но полностью на деньги Роберта. И ремонт он делал в ней тоже полностью самостоятельно, аргументируя тем, что у меня нет своего мнения, а есть только мнение моей мамы.

Когда мы развелись, мама корила меня за то, что я не поделила ту квартиру и вообще в принципе не оттяпала у Ро-

берта половину всего. А мне ничего от него не хотелось. Дележка имущества не принесла бы мне радости и удовлетворения.

— А тебе разве не надо торопиться домой? — не могу удержаться от вопроса.

От моей квартиры до квартиры бывшего мужа еще дальше, чем до клуба, из которого мы сейчас едем. И не лень же Робу тащиться на другой конец Москвы.

— Нет, завтра же выходной.

Завтра тридцать первое декабря. Действительно выходной. Но дело не в этом.

— И что? Тебе не к кому спешить?

— А, ты об этом. Нет, я живу один.

От ответа Роберта по телу пробегает нервная дрожь, а сердце начинает стучать чаще. Значит, у Роба никого нет?

— Я не состою в постоянных отношениях с женщиной, если ты это хочешь спросить, — словно читает мои мысли.

Бывший муж говорит спокойным будничным тоном, не отрываясь от ночной заснеженной дороги. Я всем своим видом стараюсь показать, как мне безразлично. Роб ведь не может знать, что у меня адреналин в кровь лошадиными порциями выбрасывается?

— С Кариной у меня тоже нет никаких отношений, кроме рабочих, — добавляет.

— Выглядит так, будто ты передо мной оправдываешься, — иронично хмыкаю, стараясь скрыть свою истинную ра-

дось.

Почему мне так приятно от того, что Роберт одинок?

— Нет, мы просто разговариваем, и я делюсь с тобой новостями из своей жизни. Главная новость в том, что новостей нет. Кроме работы в моей жизни за три года почти ничего не поменялось.

— А в моей жизни многое поменялось, — вставляю хвастливо. — Квартиру вот купила, замуж выхожу.

— Мммм, — тянет и кивает. Я довольно улыбаюсь. Но в следующую секунду Роберт заваливает меня внезапными вопросами: — А почему тогда твой жених не забирает тебя с корпоратива? И почему кольцо уже не на безымянном пальце, а на среднем? И вообще — он что, живет в твоей квартире, как альфонс? Как твоя мама могла такое допустить?

Глава 20. С поличным

Неожиданные вопросы бывшего мужа наваливаются на меня, словно снежная лавина. Тело прошибает холодным потом, мозг судорожно соображает, как выкрутиться. Чем больше секунд проходит, тем сильнее у меня внутри все опускается. Время беспощадно. С каждым мгновением моего растерянного молчания самодовольная ухмылка Роберта становится шире.

Он поймал меня на месте преступления. Взял с поличным, как вора на краже.

— У него тоже сегодня корпоратив, — брякаю. Но это уже бесполезно, потому что прошло прилично времени, пока я пыталась сообразить, как выкрутиться. Но черта с два я признаюсь Роберту в правде! Буду отпираться до последнего. У нас в стране вообще-то действует презумпция невиновности.

— Ну заехал бы за тобой со своего корпоратива, — иронично замечает.

— Он еще не ушел с него. А что касается других твоих вопросов, то нет, он не живет в моей квартире. Это я живу в его квартире. Просто так как сегодня у нас обоих корпоративы, мы договорились, что каждый поедет к себе. А так большую часть времени я живу у него.

— Большую часть времени, но не постоянно?

Роб задает вопросы, не отрывая внимания от дороги.

Складывается ощущение, что ему нравится пытаться меня.

Нравится смотреть, как я, словно уж на сковородке, ищу способ выкрутиться.

— Иногда хочется немножко личного пространства.

— Странное заявление для человека, который любит.

— Почему?

— Когда люди любят друг друга, наоборот, хотят проводить как можно больше времени вместе, а не сбегать куда-то, чтобы побыть в одиночестве.

Кошусь на Роберта. Стараюсь сделать свой взгляд как можно более скептическим и презрительным.

— Ерунда полнейшая. Личное пространство требуется всем.

Роб снова ухмыляется.

— Не хотел приводить в пример нас, но ты не оставляешь мне выбора. Когда мы съехались, ни тебе, ни мне личное пространство не требовалось. Нам было хорошо вместе круглосуточно.

Я прячу ладони в рукавах шубы и сжимаю кулаки от злости. Потому что Роберт прав. Когда мы жили вместе, каждая минута разлуки ощущалась как пытка. Поэтому даже речи быть не могло о том, чтобы добровольно куда-то уехать на сутки «отдохнуть друг от друга».

— Просто у меня тогда не было собственной квартиры, и сбегать от тебя мне было некуда.

— А как же мама?

— Что с тобой, что с мамой — и так и так нет личного пространства. А теперь оно у меня есть, — заявляю с гордостью.

— Ты и после свадьбы будешь сбегать от мужа, чтобы побыть в своем личном пространстве?

— Почему бы и нет?

— Зачем тогда выходить замуж?

Я не выдерживаю и нервно вздыхаю.

— Что ты прицепился ко мне со своими вопросами!? Не твое дело!

Я сорвалась. Моментально прикусываю язык, да поздно. Только еще больше доказала Робу, что солгала насчет жениха и скорой свадьбы. Но в крови бурлит злость на бывшего мужа. Мне хочется треснуть его по красивой голове, чтобы понял: нефиг надо мной насмехаться.

Я дышу часто-часто. Еле сижу на сиденье. Мне хочется взорваться, поругаться. Ироничное выражение физиономии Роберта только сильнее подстрекает меня. Еще и кольцо на среднем пальце. Как я могла так облажаться? Мне еле удастся сдержать себя от скандала.

— Извини, — произносит примирительно. — Я не хотел тебя обидеть.

— А что ты хотел? — рычу. — В браке с тобой было много ошибок. В новых отношениях я стараюсь их не допускать. Я не позволяю себе растворяться в новом человеке. Пару раз в неделю я остаюсь в своей квартире, чтобы побыть наедине с

мыслями и соскучиться по возлюбленному. А еще я не знакомя с ним свою маму...

Я намереваюсь продолжить тираду дальше, но Роб перебивает:

— Что? — восклицает изумленно и, оторвавшись от лобового стекла, таращится на меня во все глаза. — Ты выходишь замуж и не познакомила с женихом свою маму!?

— Да, — вздергиваю подбородок кверху.

Роберт громко хохочет на весь салон.

— Я бы поаплодировал тебе, если бы можно было отпустить руль.

— Не надо, обойдусь.

— Что ж... — перестает смеяться и резко становится серьезным. — А ты действительно научилась на своих ошибках.

— Да. Я не хочу тянуть в новые отношения старые проблемы.

— Мудро, — кивает.

— Хочется верить, что ты тоже сделал выводы и в свои будущие отношения не потянешь за собой багаж старых ошибок.

— Не поверишь, но я действительно сделал выводы и приложил усилия, чтобы не наступить на те же грабли.

— Да? И какие выводы ты сделал?

— Ну, это уже не тебе проверять.

Роберт загадочно замолкает. Я с подозрением кошусь на

него. Не то чтобы мне очень сильно любопытно, но...

Любопытно.

Он перестал общаться по ночам с Кариной? Научился уважать чужих матерей? Научился считаться с мнением своей второй половины? Стал ответственнее относиться к своему репродуктивному здоровью? Готов перекрасить стены в квартире?

Я демонстративно отворачиваюсь к окну. Не хочу больше с ним разговаривать. Мы проехали примерно половину пути. Недолго еще осталось терпеть пытку под названием «Наедине с бывшим мужем и его острыми разоблачительными вопросами». Кстати, про кольцо я Робу так и не ответила. Надеюсь, он уже забыл этот вопрос.

Ан нет.

— А почему ты передела помолвочное кольцо на другой палец?

По кочану. Кровь в венах снова закипает. Медленно-медленно по одному градусу.

— Я сейчас приму твой интерес к себе за желание вернуть меня обратно. Знаешь, мне вот абсолютно по фиг, есть ли у тебя кольцо и на каком пальце.

— Ты же видишь, что у меня нет кольца. И я сказал, что отношений тоже ни с кем нет.

— Мне плевать, — отрезаю.

Тянусь левой рукой к передней панели и включаю музыку. Прибавляю громкости. Даю Роберту понять, что не настро-

ена на продолжение диалога. Песня орет так, что уши в трубочку скручиваются. Роб не убавляет громкости, и спасибо ему на этом.

Как только он подъезжает к моему дому, я сразу выскакиваю из салона, не попрощавшись. Пока иду к подъезду, затылком чувствую взгляд бывшего мужа. Роберт почему-то не уезжает.

Глава 21. Телевизор

Утром тридцать первого декабря я еду к маме.

Да, я буду отмечать Новый год с мамой.

Не вижу в этом ничего зазорного.

Почти все мои подруги давно обзавелись мужьями и детьми, навязываться к кому-то из них не очень хочется. Да и не зря ведь говорят: Новый год — семейный праздник. А у меня кроме мамы больше нет семьи. Но мы будем не вдвоем. К нам придет кто-то в гости. Я не спрашивала, кто именно. Наверное, кто-нибудь из ее подруг, кто же еще.

Я беру с собой пять бутылок алкоголя. Мне их подарили как журналисту банки, про которые я пишу. В этом плюс работы журналистом — на Новый год не нужно тратить на алкоголь: его дарят в огромных количествах. Пять бутылок — это то, что мне хватает сил увезти с собой. Дома у меня остаются еще десять.

Родительница встречает меня в хорошем настроении и в стильном домашнем костюме. Я моментально заражаюсь маминым позитивным настроем.

— С наступающим, моя Златуля-красотуля, — мама чмокает меня в щеку и забирает из моих рук сумки.

— С наступающим, мам, — целую ее в ответ.

Я снимаю верхнюю одежду, мою руки и иду в свою детскую комнату, чтобы переодеться в домашнюю одежду. По-

сле этого направляюсь на кухню. У мамы открыта бутылка шампанского, один бокал наполовину полон, из старого магнитофона льются новогодние песни, а на плите кипят овощи для салатов.

— Как дела? Как вчера прошел корпоратив?

Мама протыкает вилкой картошку в кастрюле. Родительница невозмутима, а я стараюсь понять, есть ли в ее вопросе скрытый подвох. Она хочет узнать про Роберта? Если и так, то не подает виду. Пританцовывает под песню, подпевает, берет бокал и делает маленький глоточек.

— Не очень хорошо, если честно. Новое начальство объявило о реформе в следующем году.

Я сажусь на свое любимое место за столом и подтягиваю к себе деревянную доску с ножом. Вытаскиваю из упаковки одну крабовую палочку, снимаю обертку и принимаюсь разрезать.

Я намеренно избегаю имен «Роберт» и «Карина». Абстрактное «новое начальство» лучше подходит. Мама и так поняла, что я имею в виду бывшего мужа. А что у меня в начальницах теперь будет и его подружка тоже, родительнице не надо знать. По крайней мере пока.

— Что за реформа? Сокращение зарплат?

На удивление мама и бровью не ведет. Может, потому что я уже рассказала ей про урезание зп? Или это так на нее действует шампанское?

— Не только. В нашем холдинге же еще есть телеканалы.

Нас будут объединять.

— Каким образом?

— Пока мало кто понимает, что в голове у нового начальства. Ну, как пример, я договорюсь об интервью со статусным министром и должна буду взять с собой нахлебников в виде оператора и телекорреспондента, чтобы мое интервью вышло не только в газете, но еще и на телевидении.

Я не сдерживаю эмоций и брезгливо морщусь.

— Так это же хорошо, — выпаливает мама, развернувшись ко мне всем корпусом.

Я резко вскидываю на нее изумленный взгляд.

— Хорошо? — бросаю из рук нож с крабовой палочкой.

— Что в этом хорошего, мама? Я трачу уйму времени, чтобы договориться об интервью. Бегаю за этими министрами, умоляю их. Потом пишу два дня вопросы. Потом еще неделю готовлюсь к интервью. А эти нахлебники просто сядут мне на хвост и присвоят себе мои заслуги?

— Злата! Но тебя ведь зато покажут по телевизору!

Я закатываю глаза.

Ах вот оно что. Моя мама как типичная представительница старого поколения считает попадание в телевизор самым успешным успехом на свете.

— Мне не надо, чтобы меня показывали по телевизору.

Мама выключает картошку и сливает воду.

— Злата, ты ничего не понимаешь. Ты только представь: тебя по телевизору покажут! По центральному каналу! А что

эта газета? Их уже никто не читает.

— Это телевизор уже никто не смотрит.

— Все смотрят телевизор, — спорит. Вываливает вареную картошку из кастрюли в глубокую тарелку. Я на мгновение зависаю, глядя, как горячий пар поднимается вверх. — Ты только подумай: все соседи и родственники увидят, как ты берешь интервью у министра. По телевизору! Да они позеленеют от зависти!

Бессмысленный спор. Маму не переубедить. Она так воодушевляется, что аж выключает магнитофон и включает телек. Там идет «Москва слезам не верит». Любимый мамин фильм. Она делает громче.

— Так что очень хорошая у вас будет реформа, я считаю, — подытоживает.

Я не выдерживаю:

— Это ты сейчас реформу Роберта хвалишь, я правильно понимаю? А ничего, что он снижает мне зарплату из-за этой реформы?

Мама делает недовольное лицо.

— Я уверена: не он придумал эту реформу.

— Да, а кто?

— Не знаю. Кто-то. Но не он. У него бы мозгов не хватило додуматься до такого гениального решения.

При том, что мне не нравится реформа, и вообще я обижена на Роба за вчерашнее, мне становится обидно за бывшего мужа. Потому что реформу, которая так сильно понра-

вилась маме, придумал он. Роберт презентовал ее акционерам и получил от них одобрение, а затем нанял для ее реализации Карину.

Я знаю Роберта как никто. Я знаю, что он прирожденный медиаменеджер. У него талант — создавать медиа и управлять ими. На своих предыдущих местах работы он такое придумывал, что у компаний прибыль росла как на дрожжах. Роберт отлично справляется с кризисными ситуациями. Он быстро выводит компании из предбанкротного состояния.

На медиарынке у Роберта Красовского репутация как у одного из лучших антикризисных менеджеров.

Но я не хочу портить себе новогоднее настроение и ругаться с мамой. Более того — я решила не думать до конца праздников ни о Роберте, ни о реформе, ни о сокращении зарплаты. Вот выйду на работу двенадцатого января, тогда и подумаю. А до этого я хочу отдыхать.

— Кто придет к нам в гости? — резко перевожу тему.

Я возвращаюсь к крабовым палочкам. Быстро режу их маленькими кубиками, пока мама ждет, когда остынет картофель, чтобы натереть его на терке.

— Рая, Галя и Люба с сыновьями.

Я снова бросаю нож и смотрю на маму.

— Это вот эти твои подруги, сыновей которых ты мне сватала!? Они будут отмечать Новый год с нами?

Мама делает невинное лицо. Глазками хлоп-хлоп.

— Да, они. А что? Приличные молодые люди. Вот и при-

смотришься к ним повнимательнее.

Глава 22. Аркадий

Тетя Рая, тетя Галя и тетя Люба, каждая со своим сыном, приходят к нам в промежутке между десятью и одиннадцатью вечера. Мы с мамой наготовили массу блюд и накрыли стол в зале. Как это обычно бывает после готовки на восемь человек, к вечеру уже не хотелось никакого Нового года. Но перед приходом гостей я немного отдохнула, приняла ванну с пеной, переделалась в красивое платье, сделала укладку с макияжем и почувствовала себя новым человеком.

Сначала я разозлилась на маму за то, что она пригласила гостей с целью свести меня с кем-то из них. Но потом я подумала: мне ведь все равно требуется какой-то «жених» для легенды перед Робертом. Да и в целом, не мешает познакомиться с кем-то из представителей противоположного пола. Мама знакомила меня с сыновьями этих подруг, когда я только развелась с Робертом. В тот период мне вообще не хотелось видеть мужчин. Сейчас все иначе. Я готова к новым отношениям. Вдруг кто-то из них мне понравится?

Первой приходит тетя Люба с сыном Аркадием. Ему что-то около тридцати трех или тридцати четырех лет. Высокий, приятный на лицо, но как-то слишком худоват. Под белой рубашкой нет ни намека на мышечную массу. Но что толку от того, что Роберт посещал спортзал два раза в неделю? Не в бицепсах счастье.

Когда нас познакомили в первый раз, Аркадий только развелся с женой, и у него было что-то типа психотравмы. Бывшая манипулировала ребенком, требовала от Аркадия денег сверх алиментов и отказывалась делить четырехкомнатную квартиру. Поэтому Аркадий после развода жил на съемной. К маме не вернулся — уже ему плюсик в моих глазах.

Сейчас Аркадий выглядит значительно лучше, чем несколько лет назад при нашем знакомстве. Улыбается, шутит. Преодолеет психотравму.

— Напомни, Злата, кем ты работаешь? — спрашивает, пока наши мамы шушукаются на кухне.

— Я журналист в газете.

— Интересно. О чем именно пишешь?

— О банках. Но я в основном провожу расследования.

— Я интересуюсь финансовой темой. Скинешь ссылку на свои статьи?

Интересуется — или делает вид — моей работой. Еще один плюсик от меня.

— А ты там же работаешь? — спрашиваю, чтобы выказать свою заинтересованность.

На самом деле я не помню, где работает Аркадий.

— У меня бизнес. Да, тот же самый. Ему десять лет.

— Ого! — искренне удивляюсь. — А чем именно занимается твоя компания, напомни?

— У меня пять автосервисов в Москве. Специализируемся на ремонте немецких машин.

Теперь понятно, почему его бывшая жена, хотела содрать побольше денег. У Аркадия они действительно есть.

Мне хочется спросить его про развод и отношения с бывшей, а также про ребенка. Это немаловажный момент. В целом, меня не смущает, если мужчина уже был женат до меня и имеет ребенка от предыдущего брака. Но чего мне точно не хочется — это слишком часто взаимодействовать с его бывшей женой. У меня до сих пор фантомные боли от общения Роберта с Кариной. Аркадий общается со своей бывшей супругой так же часто, как Роб общался с Мироновой? Или у них общение только раз в неделю по вопросам ребенка? Если второе, то Аркадий мне очень даже симпатичен.

Вот только как подвести разговор к интересующей меня теме?

«Злата, ты журналист или кто!?», злуюсь на себя.

— Ты очень хорошо сейчас выглядишь, — отвечаю комплимент. Я сижу на диване, Аркадий в кресле. Блин, а он правда очень приятный! — Когда мы виделись несколько лет назад, ты мне показался слишком замученным.

— Тогда я переживал не самый лучший период в своей жизни.

— Да? — делаю вид, будто не знаю. — А что случилось?

— Я же с женой развелся.

— Ах, да, точно. Вспомнила, — чуть виновато улыбаюсь. — И как у вас сейчас отношения?

Мысленно скрещиваю пальцы.

— Никак. Раз в неделю я беру у нее сына на выходные. В субботу утром забираю его, а в воскресенье вечером возвращаю. Он уже достаточно большой, у него есть телефон, так что если мне нужно узнать, как у него дела, я звоню ему, а не бывшей жене.

Идеально.

Сто раз идеально.

Выдыхаю с облегчением.

— А ты тоже в разводе, да? — интересуется.

— Да. Уже три года как.

— У тебя нет детей?

Развожу руками.

— Нет.

— Тогда тебе проще. С бывшим мужем вообще можно не общаться. Я со своей бывшей тоже не общаюсь, но иногда приходится. Например, когда у сына какие-то тяжелые сумки или он долго не спускается, мне приходится подниматься в квартиру и лицезреть бывшую в дверях квартиры. И ее нового мужа вместе с ней. И их общего младенца, — Аркадий брезгливо кривится.

Отлично. Его бывшая повторно вышла замуж и родила нового ребенка. Значит, точно не будет иметь намерения вернуть Аркадия обратно.

— К сожалению, мне приходится общаться с бывшим мужем, — разочарованно вздыхаю. — Он стал моим начальником.

Аркадий моментально меняется в лице.

— Тогда тебе надо сменить работу, — произносит с излишней жесткостью.

Глава 23. Новый год

Я не успеваю ответить Аркадию, потому что раздается звонок в дверь. Я бегу открывать. На пороге стоят тетя Рая и тетя Галя со своими сыновьями Виктором и Павлом.

— А мы у подъезда встретились! — поясняет тетя Рая. — С наступающим, Златочка!

Из кухни выходят мама и тетя Люба, подтягивается Аркадий. Приветствия, лобызания в щеки, рукопожатия и поздравления с наступающим растягиваются минут на семь. Когда все наконец-то снимают верхнюю одежду, разуваяются и моют руки, мы проходим в зал и занимаем места. Виктор, Павел и Аркадий оказываются напротив меня. Я немного расстроена, что гости прервали нас с тети Любиным сыном. Как мне показалось, у нас установилась взаимная симпатия. Правда, последние слова Аркадия показались мне слишком строгими.

Надеюсь, только показались.

Положив себе в тарелку оливье, ненавязчиво рассматриваю Павла и Виктора. Паша — это тот самый, который всю жизнь живет с мамой. За три года, что я его не видела, он стал выглядеть значительно хуже. На голове появилась проплешина, на глазах очки, а под рубашкой пивной живот. Но дело даже не во внешности, а в том, что он в свои тридцать пять до сих пор живет с мамой и, насколько я знаю, не пла-

нирует от нее съезжать.

— Зачем платить за съемную квартиру, если есть своя? — сказал он мне три года назад, когда мамы нас познакомили.

С одной стороны, в его словах есть доля истины. Но с другой, у меня все равно не укладывается в голове, как мужчина в таком возрасте может жить с мамой.

— Но можно же взять ипотеку, — возразила я тогда.

— И платить банку проценты? Тоже не вижу смысла.

Тогда я подумала, что, должно быть, тетя Рая не такая властная мама, как моя. Наверное, можно жить с родителями в возрасте 30+, если они к тебе сильно не лезут. Например, у моего бывшего мужа как раз такие родители. Младшая сестра Роберта долго с ними жила и горя не знала. Они никогда не контролировали ее шаги или действия, не лезли со своими непрошенными советами.

Может, и тетя Рая такая же, поэтому Паше не напряжно с ней жить?

— Павлик, не налегай сильно на майонез, — словно прочитав мои мысли, тетя Рая хватает сына за руку, когда он тянется за новой порцией селедки под шубой. — Лучше свежего овощного поешь, — указывает ему на греческий салат. — Он же с оливковым маслом? — обращается к моей маме.

— Конечно, греческий салат заправлен оливковым маслом. Его делала Злата, так что обязательно все попробуйте.

Паша послушно переводит руку с салатницы с селедкой к салатнице с греческим.

— Павлику нельзя много жирного есть, — поясняет всем нам. — Холестерин выше нормы.

«Павлик». От одного этого обращения по отношению к здоровому тридцатипятилетнему лбу меня подташнивает.

Вычеркиваю Павла из списка потенциальных женихов.

Перевожу взгляд на Виктора. Он держится обособленно ото всех. Больше смотрит в телефон, чем на нас. Внешне выглядит не плохо, но не в моем вкусе. Я не могу объяснить это словами, но вот бывает же так, что умом понимаешь: далеко не урод. А все равно не цепляет.

То же самое было три года назад. По всем критериям Виктор выигрывал у Аркадия и Павла, но все равно не зацепил меня.

«Злата, тебе что, шестнадцать лет?», ругаю себя.

Насколько я знаю, у Виктора своя квартира, в которой он живет один. Он младше меня на год — ему тридцать. Никогда не был женат. Отношения с девушками были, но не сильно серьезные. Работает айтишником в какой-то хорошей фирме. Свою маму, тетю Галю, навещает редко. Его сегодняшнее присутствие у нас в гостях вместе с родительницей — скорее исключение. Наверное, он заехал вечером поздравить мать, а она силой поволокла его к нам. Поэтому у Вити такой скучающий вид.

И на меня он совсем не смотрит.

Ну и ладно, не очень-то и нужно.

Вычеркиваю Виктора из списка потенциальных женихов.

Остается Аркадий.

Наши взгляды встречаются. Мне не кажется, он действительно глядит на меня заинтересованно. Эх, жаль наш разговор прервали. А теперь за столом беседой рулят мамы. Они в основном обсуждают личную жизнь певцов, которые в данный момент выступают по телевизору.

— Ой, вы посмотрите, Василиса Дорина! — ахает мама. — А ее разве не выгнали со всех каналов?

— Так она же проиграла последний суд за квартиру, — комментирует тетя Рая. — Видимо, уже вернули обратно на телевидение.

— Нет, ну все равно, — не унимается мама. — Какая наглость! Отобрать у честной покупательницы квартиру.

— А мне интересно, откуда у этой Алины Камерье сто миллионов, или за сколько там она купила у Дориной квартиру, — говорит тетя Люба. — Где она столько заработала?

Мамы принимают оживленно обсуждать последний громкий скандал на рынке вторичной недвижимости. Аркадий закатывает глаза, мол, поговорить им больше не о чем. Я смеюсь и киваю, давая понять: да, скукота.

— Кстати, а скоро нашу Злату тоже будут показывать по телевизору! — восклицает мама.

Взгляды всех гостей устремляются на меня. Даже Виктор оторвался от телефона.

— У них на работе какая-то реформа, теперь Злата будет работать не только в газете, но и на телеканале, — поясняет

мама.

Мне хочется закатить глаза, как минуту назад это сделал Аркадий.

— Ого, как интересно, — говорит он. — Расскажешь подробнее?

Я собиралась обидеться на маму, но передумала. Начинаю вкратце рассказывать о реформе. Очень быстро ко мне все теряют интерес, кроме Аркадия. Виктор утыкается в телефон, мамы в телевизор, а Павлик украдкой тянется к селедке под шубой, пока мать обсуждает третий брак певицы, выступающей сейчас по ТВ.

Я веду беседу с одним Аркадием. Мне приятен его интерес. Я даже забываю о той строгости в его голосе, когда он зачем-то потребовал от меня уволиться с работы.

— Ну все, пять минут осталось! — перебивает мой рассказ тетя Рая.

По телевизору выключились песни, началось обращение президента. Мама делает громче. Все устремляют взгляды на экран. Аркадий тянется к новой бутылке шампанского и принимается ее открывать. Пока президент говорит, тихо хлопает пробка шампанского. Аркадий встает с места и наливает всем по бокалам. Когда пополняет мой, мы с улыбкой смотрим друг на друга.

Между нами определенно возникла химия.

Начинается бой курантов. Все встают со своих мест и готовятся чокнуться бокалами. Каждый год в этот момент я

чувствую духовный подъем и волнение. Что мне принесет новый год?

«Хочу взаимной любви и семейного счастья», загадываю мысленно.

Гимн.

— Ура! С Новым годом! — кричат все, чокаясь бокалами.

Я с наслаждением глотаю прохладный игристый напиток. Он моментально бьет в ноги и голову, разливаясь по телу приятным теплом.

— А теперь время вручать подарки, — нараспев произносит мама.

Она приготовила презенты для всех гостей. Я хочу помочь ей, но меня останавливает рингтон моего мобильного. Бросаю взгляд на экран и несколько раз моргаю, думая, что мне почудилось. Сердце ухает в пятки.

Я вижу имя, которое не высвечивалось на экране моего мобильного больше трех лет:

«Роберт».

Глава 24. Поздравить

Я цепенею. Вокруг шум и гам, смех, песни из телевизора, а я гляжу испуганно на свой вибрирующий телефон и боюсь дотронуться до него. Мне звонит Роберт. Ровно в полночь. Зачем? Он хочет поздравить меня с Новым годом? Или с ним что-то случилось?

Последнее — вероятнее всего.

После развода Роберт не поздравил меня ни с одним праздником. Впрочем, как и я его. Вряд ли что-то могло внезапно измениться, поэтому если на экране моего мобильного гори

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.